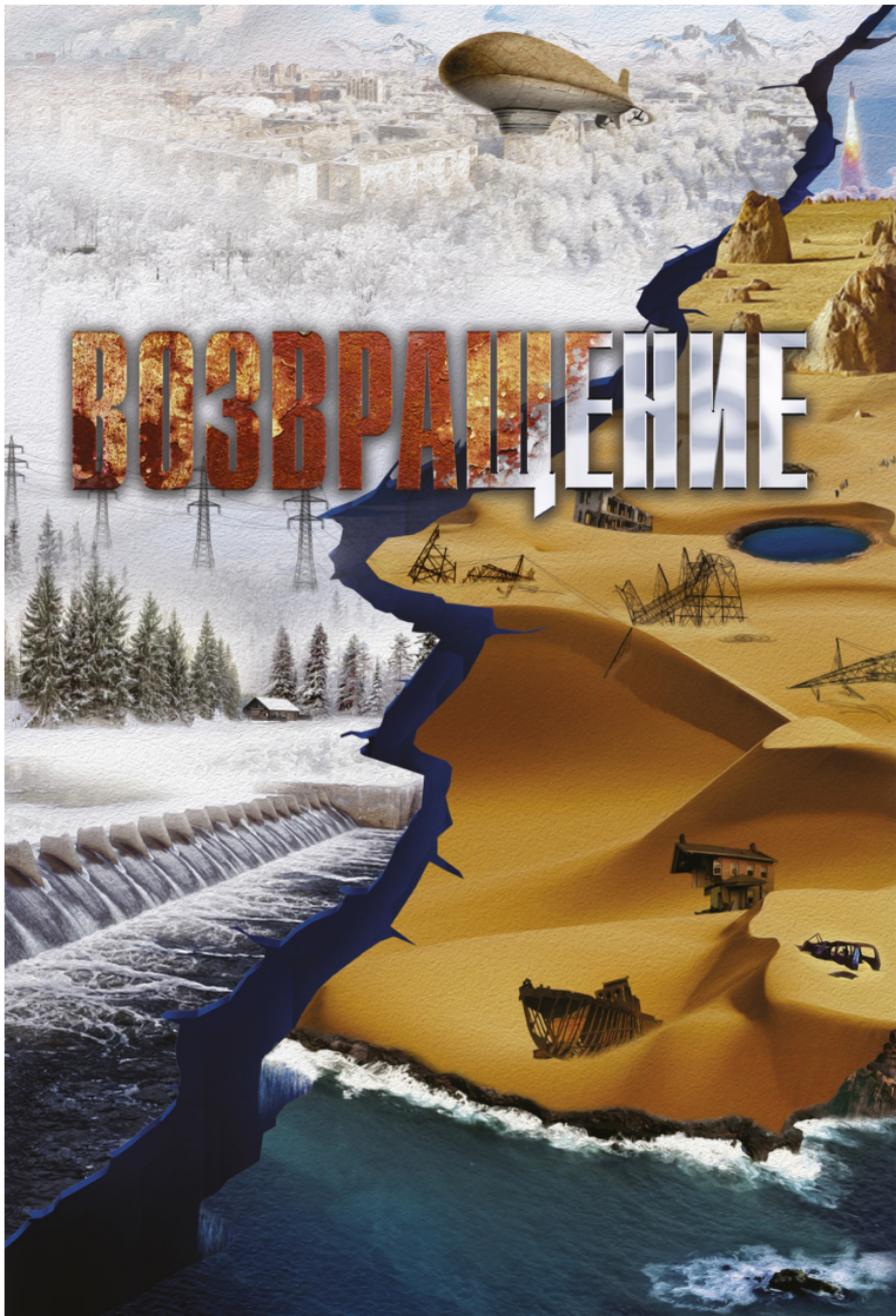

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Л. Андрияшев

Возвращение

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=66285328
Возвращение: БХВ-Петербург; Санкт-Петербург; 2020
ISBN 978-5-9775-3980-7*

Аннотация

Почему нам хочется что-то изменить в своей жизни? Как часто эти решения влияют на судьбу более чем одного человека? Что движет нами в эти моменты? И каким будет результат? Способен ли каждый из нас усилием воли переписать судьбу? Или она уже написана кем-то, и наши невероятные усилия предопределены заранее? Есть ли нечто, управляющее окружающим нас хаосом, или река жизни прокладывает себе русло без чьей-либо помощи? В своем романе автор представит на суд читателей несколько вариантов того, как наши действия могут повлиять на судьбы целого мира. И пусть фантастичность происходящих в нем событий не вводит вас в заблуждение. Поменяйте место действия, героев, антураж, и вот уже в центре событий вполне может оказаться любой из нас. Надо только захотеть измениться самому и «заразить» положительным примером окружающих. Тогда на пути человечества не останется ни одного непреодолимого препятствия. Кто знает, возможно, описанные события уже происходили с кем-то из нас, а возможно, эти события нам только предстоит пережить...

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	21
Глава 3	39
Глава 4	70
Глава 5	100
Конец ознакомительного фрагмента.	122

Л. Андрияшев

Возвращение

© Андрияшев Л., 2020

Глава 1

Холодно!!! Эта мысль не покидала мою голову последние полторы недели. Давненько я не чувствовал такого бодрящего мороза. Наверное, именно поэтому северные народы такие угрюмые. Еще бы, тут не до радости и улыбок – все мысли сводятся лишь к выживанию. Но, скорее всего, как раз благодаря таким условиям жизни они всегда отличались своим нестигаемым характером. Мой друг был из такой породы людей. Сложности делали его только сильнее, словно закаляли внутренний стержень, с годами превращавшийся в тугоплавкий стальной прут. Но, должно быть, сейчас ему совсем не вмоготу, раз мы стоим тут в столь суровое время года. Хотя ему это всегда шло лишь на пользу, да и любому человеку время от времени стоит возвращаться к своим истокам. В то место, где он родился и вырос и где навсегда остается часть его души, если, конечно, она у этого человека есть.

А у него душа была, да такая, что многие могли бы позавидовать ее широте. Потому он и оставался всегда один. Пробовал найти кого-то со схожим сознанием, с таким же видением мира и места человека в нем. Но окружающие, в своем большинстве, просто его не понимали, не переставая удивляться странной жизненной философии моего друга. И если, по какому-то стечению обстоятельств, ему и попадались, на первый взгляд, именно такие люди, то со временем

его ожидало полное разочарование. Ведь многие лишь подстраивались под него, ожидая для себя скорую выгоду или продвижение по службе. Когда он в этом Богом забытом городе мальчишкой по морозу бегал в школу, ему и в голову не могло прийти, сколько лицемеров и подлецов он повстречает на своем пути. Должно быть, как раз для того он и возвращается сюда каждый год, чтобы снова ощутить себя беззаботным юношей, желающим изменить весь окружающий его мир. Да что там мир – ему было под силу изменить целую Вселенную, стоило лишь задаться этой целью. Первый шаг он сделал, поехав в столицу после окончания школы и начав учиться в самом престижном университете Империи. Именно тогда мы, скажем так, и встретились. Хотя это было очень необычным знакомством... но не будем забегать вперед.

Скажу лишь одно: с тех пор мы неоднократно посещали его малую Родину. И каждый приезд не обходились без нашего ритуала: долгого созерцания прекрасного озера, на берегу которого и расположился скромный родительский дом. Я всматривался в замерзшую гладь с не меньшим интересом. Вдали от городской суеты эта тишина казалась божественно-ценным и редким явлением.

– Зачем мы сюда поехали именно зимой? – спросил я. – Летом этот пейзаж обладает гораздо большей палитрой красок, а сейчас везде лишь белый цвет.

– Потому что мне это нужно, – сухо отвечал мой товарищ. – Ты же знаешь, я тут набираюсь сил. Мы вместе по-

бывали во многих местах, гораздо более красивых, но это мне ближе всего. Любой здравомыслящий человек постарается убежать отсюда поскорее, но я, судя по всему, к таким не отношусь. Можно было, конечно, полететь в гораздо более теплые края, чтобы подумать над своим будущим. Но в такие моменты мне нужно лишь это место, забота мамы да ворчание моего старика. Именно такое сочетание дает мне нужную частоту энергии, подзаряжающей мою внутреннюю «батарею». Мне иногда кажется, что тут я могу целую армию сдерживать, – при этих словах лед на озере начал трескаться, и в воздух, словно из фонтана, вылетел столб водяного пара, вперемешку со снежными брызгами.

– Ты бы не тратил энергию своей «батареи» впустую, – улыбнувшись, проговорил я. – Да и внимание лишний раз не нужно привлекать. Хотя тут сейчас проще мамонта встретить, нежели человека. Летом в этих местах гораздо многолюднее, но ты, помнится, и при посторонних тут волны поднимал.

– Летом здесь я могу и молниями управлять, ты же знаешь. Но сейчас мне важно именно побыть одному. Ну, или практически одному, – взглянув на меня будто с укором, пробормотал мой друг.

Последние годы он всегда разговаривает со мной неохотно, будто меня нет рядом. А ведь было время, когда он и шагу без моего совета сделать не мог. Разговаривал со мной сутками, прерываясь лишь на короткий сон. Как годы меняют

людей... Когда-то давно – кажется, в другой жизни – этот задумчивый человек хотел все знать. Пытался понять все тайны мироздания, главная из которых таилась где-то в глубине его самого. Но чем больше он узнавал, тем больше становилось вопросов, и тем дальше уходил смысл его существования. Со временем блеск его глаз становился все более тусклым. А теперь иногда кажется, что в них вообще пустота.

– Если хочешь, я могу замолчать. Будешь в одиночестве созерцать этот величественный пейзаж, – глядя на него с укором, твердым голосом сказал я. – Только так мы и замерзнуть можем. Солнце хоть и светит ярко, но его тепло явно до нас не доходит. Очень похоже на характер нашей власти.

– Ну и что? Будто бы ты замерз, – снова отворачивая свой взгляд к светилу, более мягко ответил он. – Нам с тобой уж точно ни на Солнце, ни на правителя обижаться не приходится. То, что произошло между мной и этой самой властью, скорее пошло на пользу обеим сторонам конфликта. А тепло звезды, рано или поздно, дойдет до тех, кому оно предназначается, ведь зима не может длиться вечно.

– Мне кажется, что ты все-таки замерзаешь. По крайней мере, лицо – точно. На себе уже начинаю это ощущать! Я вообще считаю, что тебе пора завязывать с этими не нужными никому экспедициями за тайными знаниями. Все равно нам этого понять не дано.

– Возможно... Но без этого я или сойду с ума, или... А второго, наверное, не дано. Ты же знаешь, что таким, как я,

тяжело жить в современном мире. К тому же сейчас мы не в экспедиции, а просто заехали из Монголии на пару дней домой. Все равно это по пути в столицу. Мне надо побыть в одиночестве. Ты же знаешь, что я не люблю людей, и это взаимно.

– Ну, начнем с того, что это взаимно далеко не всегда. Ты все-таки один из лучших в своей области, да и в обращении со студентами и коллегами очень любезен. Они и не предполагают, что в душе ты их не понимаешь, а некоторых и вовсе презираешь.

– Вот именно для того, чтобы оставаться любезным, я должен иногда давать себе встряску. Потому я и с тобой так же холоден, как местная природа с нами обоими. Просто не растрачиваю эмоции попусту. Они мне еще пригодятся для подпитки моего фальшивого лица. Как бы плохо я ни думал о таких людях, кто может дать мне гарантии, что мое видение жизни является правильным? Возможно, я как раз и заблуждаюсь! Поэтому до тех пор, пока они не лезут в мою жизнь, или же не пытаются давить на меня, я буду для них самым вежливым и воспитанным.

– На мне можешь отыгрываться за всех остальных, я уже успел привыкнуть к твоему сложному характеру за столько лет. Просто не забывай, что на термометре сейчас – минус сорок градусов по Цельсию. Может, все-таки пора заканчивать с этим?

– С чем именно?

– С тем, что не доставляет тебе удовольствия. И я говорю не о том, что ты по пути навестил родные места и тем самым принес радость самым близким тебе людям. Я сейчас о более глобальном. Беги от всего этого! Ну вот зачем мы туда поехали? Может, я чего-то не знаю?

– Ты знаешь не меньше меня, но могу повторить. Ничего нового мы не узнали, а лишь в очередной раз убедились, что по-настоящему сильных «проводников» очень мало. И с каждым годом их становится все меньше. Нужно было проверить все сообщения о странных людях, якобы наделенных Природой сверхспособностями. Потому и организовали там это собрание. Мужчины и женщины со всех концов Азии приехали на священную землю, подарившую миру Чингисхана, а ныне ставшую одной из частей нашей необъятной Империи. Только вот я среди них никого толкового не приметил. Впрочем, ничего удивительного. Зачем развивать в себе что-то, если цивилизация, навязывающая потребление, сама все готова подарить человеку? Никакого стимула для роста. Выучи базовые навыки поведения в социуме, будь готов беспрекословно подчиниться его законам, и главное – никому не мешай. Идеальный гражданин мира. Знаешь, я иногда рад тому, что между нами и столь мощными заокеанскими соперниками сейчас разворачивается такая борьба. Возможно, это даст всему человечеству новый толчок к развитию. Ведь если бы не это, не летали бы в данную минуту представители нашего вида по орбите планеты, и точных до-

казательств того, что Земля круглая, до сих пор бы не было. А это только начало. Лет через десять мы на себе начнем ощущать новый виток прогресса, о котором не мечтали в самых смелых фантазиях.

– Начнем, – иронично ответил я. – Если только удержимся от соблазна уничтожить друг друга. А то некуда будет представителям нашего вида с орбиты возвращаться. Ты так и не ответил на вопрос: зачем тебе делать то, что не доставляет ни капли удовольствия? На подобных собраниях ты был бесчисленное количество раз. Там, в большинстве своем, концентрируются лишь шарлатаны, показывающие фокусы наивным толстосумам. Это давно превратилось для тебя в рутину. Единственный плюс, который я вижу от поездки, в том, что родителей навестил да поправил им здоровье.

– Ну, почему же ты так категоричен, дружище? Там было много моих знакомых, которые действительно умеют разговаривать с духами предков, и мы очень мило побеседовали. Я в очередной раз подтвердил свою гипотезу о том, что все их ритуалы имеют один общий корень. В Азии, обеих Америках и даже в Африке: все шаманы действуют одинаково. Ритуальные принадлежности, порядок проведения обряда, связь с духами. Будто бы им это показали в одной школе, а потом отправили закреплять домашнее задание на практике, каждого на свой континент. Вопрос лишь в том, откуда им достались такие знания? Кто-то научил, или интуитивно методом проб и ошибок сами до всего доходили? В итоге

каждый из них добавил туда немного своего за сорок тысяч лет, но суть осталась прежней.

– Помнится, – скептически прокомментировал я, – тебе это и раньше было известно не хуже. Даже монографию по данной теме написал, только ее, в лучших имперских традициях, на всякий случай тут же засекретили... Я не пытаюсь тебя отговорить от научных трудов, я лишь хочу, чтобы ты понял наконец-то одну вещь: нельзя от себя убегать всю жизнь. Что бы ни происходило между тобой и теми, кто на верху пирамиды, всегда нужно искать компромисс. Тем более, к твоей персоне до сих пор «особое» отношение, тебя ценят и берегут. Не знаю, как это объяснить, но у меня предчувствие, что именно сейчас нам необходимо попытаться разобраться в том, что мы так давно хотим понять. Думаю, ты догадался, что я имею в виду?

– Ну и зачем спрашивал, раз и так все понимаешь? – уходя в себя, проговорил мой друг. – Я давно хочу это сделать, да вот только не знаю, нужно ли это?

– Я спрашивал затем, чтобы ты осознал одну мысль: пора что-то менять. Преподавать молодым оболтусам, конечно, хорошо. Многие из них после твоих лекций хотя бы размышлять начнут. Но разве этого мы хотели много лет назад? Ты сотворен для чего-то великого. У тебя талант, которым редко кого награждает Создатель. Именно о таких людях позже слагают легенды, а ты растрачиваешь свой бесценный потенциал на какие-то мелочи. Понимаю, что большинству людей

нужно нещадно работать всю жизнь, чтобы достичь хотя бы того уровня, которого ты достиг к двадцати годам. Но это не значит, что тебе надо на них равняться. Равняйся на гениев, которые меняют мир, а обычным людям оставь их серую рутину, в которой зачем-то прозябаешь сам. У любого человека должно быть занятие по его уму и способностям. Пусть они занимаются своими мелкими, но не менее важными делами. А ты, вместо того чтобы на расстоянии разламывать лед да воду в пар силой мысли превращать, лучше бы тратил эту энергию на что-то более практичное.

– На что, например? – резко повернувшись ко мне, начал мой извечный собеседник. – Я даже не до конца понимаю, как все это работает и почему дано далеко не каждому. Это, скорее, не дар, а проклятье. Я ни с одной женщиной не смог ничего долговечного построить, потому что видел всю их жизнь и все намерения, стоило только в глаза посмотреть. Но на словах все такие праведники, хотя в душе и в мыслях полная неразбериха и лицемерие. А ведь люди как-то уживаются друг с другом. Наверное, для многих счастье в неведении, иначе хаос творился бы в любом социуме.

– Смотри на это иначе. Все, что ты уже приобрел до сегодняшнего дня, это бесценный багаж знаний. Как раз его в ближайшее время тебе и нужно будет применить на практике, а на какой именно, скоро выясним. Потому тебя и не должны обременять мелочи, свойственные нормальному человеку, такие как семья, дети, быт. Это все удел счастливых,

но ничем не примечательных людей. А чем человек сложнее, тем и жизнь у него ярче. Не факт, что она лучше, но в том, что событий и страстей в ней больше, можешь не сомневаться. Поэтому тебя кто-то наверху специально ограждает от мирской суеты, чтобы ты себя посвятил чему-то особенному. А вот чему именно, это как раз и нужно выяснять, а не раскатывать по закоулкам Империи, чтобы от столичной хандры сбежать.

– Я тебя услышал, товарищ философ, – усмехнувшись, отвечал он мне. – На обратной дороге поразмышляем, как нам дальше быть.

– Давай лучше подумаем, на чем обратно в Петроград поедем? Выбор у нас богатый: можно по железной дороге, но по ней мы как раз к новому 1971 году приедем. Самолеты, конечно, быстрее, но может, все-таки, проверенным способом? Сейчас это, конечно, выглядит архаично, но зато какая эстетика!!!

– Поддерживаю твое предложение с дирижаблем, мне тоже по душе старые цеппелины. Недаром их до сих пор считают самым безопасным видом транспорта. А главное – большая каюта, и никакой суеты.

– Вот и славненько. Через сутки будем в столице. Там должно быть как минимум теплее.

– Почему ты всегда говоришь «столица», а не «дом»? – недовольно спросил мой товарищ. – Тем более, лично у меня их вообще два, в одном из которых я сейчас нахожусь.

– Ты же знаешь, что мы с тобой в принципе не имеем дома... Я подсчитал, что там мы проводим только тридцать восемь процентов нашей жизни, все остальное – в экспедициях и разъездах. Так что скорее наш дом – это вся планета. Многие бы позавидовали, можешь считать себя гражданином мира.

– Быстро ты все подсчитываешь. Ладно, ты прав, – наконец-то закончив свой ритуал морозной медитации и направившись в теплый деревянный дом, произнес наш герой, – надо собираться, через несколько часов улетаем, а надо еще билеты купить. Благо сейчас дирижаблями мало кто пользуется, с местами проблем никогда нет. Так их скоро и вовсе отменят. Все перейдут на самолеты, и тогда таким ретроgrадам, как мы с тобой, придется смириться с прогрессом.

Вернувшись в дом и отогревшись кружкой горячего чая, привезенного им же из Индии, он попросил родителей отвезти его за билетом. Ведь из этой глуши, в которой даже не было столь привычного всем телефонного аппарата, иначе было просто не выбраться. Должно быть, уединение являлось их семейной чертой, ведь помимо друг друга им практически никто был не нужен. Потому и место для жилья они выбрали столь отдаленное. Хотя если бы не мой друг, вряд ли кто-нибудь разрешил им строительство в заповедной зоне. Это был его подарок для самых близких людей: жить вдали от цивилизации, но при этом используя все ее блага.

Быстро собравшись, вся семья двинулась в путь. Через

пятнадцать минут, пролетевших за ностальгическими воспоминаниями родных, мы уже были в центре маленького сибирского городка, на месте которого еще сорок лет назад возвышались могучие деревья. Мой друг вышел из машины, направившись в сторону кассы, а я предпочел подождать его внутри автомобиля.

– С каждым приездом он становится все мрачнее, – начал его отец, сидевший за рулем, – Все никак себя в этой жизни найти не может, хоть и достиг такого, о чем другие даже не мечтают. Но это – не для него. Он свое время опередил лет на сто, сейчас его просто никто не понимает. Даже не знаю, как ему помочь...

– Единственное, чем мы ему можем помочь, это поддержка, – отвечала мама, для которой он до сих пор был маленьким сыном, нуждавшимся в заботе. – Он умный мальчик, сам себя найдет, а Бог ему в этом поможет. Ты мне не верил, когда я говорила про необычные способности, но теперь и без меня все видишь. А такой талант дарован не каждому. У него есть Хранитель, и даже не один. Поэтому судьба его приведет к тому, чего он заслуживает, нужно лишь еще немного времени. Все, что было с ним до этого момента, всего-навсего прелюдия, простое накопление опыта.

Слушая их диалог, я почувствовал себя очень неловко. Сказанное ими было слишком личным делом, и обсуждать такое могли только они вдвоем. Мгновение спустя я уже оказался позади него в очереди за билетом.

– Что, не можешь без меня? – улыбнувшись, прошептал он. – Твой взгляд я сразу чувствую, даже если ты пытаешься остаться незамеченным.

– Конечно, могу. Просто решил, что ты без меня не справишься, – с такой же хитрой улыбкой сказал я, выходя из-за его спины и становясь рядом. – Знаешь, скорее бы тот проект, по запуску единой сети базы данных, прошел все испытания. На него сейчас большие надежды возлагают. Я слышал, что в скором будущем они планируют провести ее в каждую библиотеку. И все знания, которые у нас есть, будут находиться в маленьких коробочках, которые сейчас используют лишь для того, чтобы серьезные вычисления проводить. И, кстати говоря, билеты на любой вид транспорта, а также на любое театральное представление, тоже можно будет купить через эту же сеть. Если это правда, то мы выбрали не совсем правильную науку для изучения. Таким образом вся слава этим ребятам достанется, а мы будем продолжать гоняться за призраками. Как думаешь, не врут?

– Конечно, нет. Ты же помнишь, как наш большой заокеанский друг рассказывал про такой же проект, который и у них запускать собирались. Некоторые идеи приходят в гениальные головы одновременно по всей планете. И коробочки эти будут не в библиотеках, а в каждом доме. Да что я тебе это говорю? Ты же и так все не хуже меня знаешь, решил просто разговор поддержать? – при этих словах он посмотрел на меня, и в этом взгляде, как и много лет назад, про-

скочил какой-то огонек. Это был хороший знак. – Только мы не за призраками гоняемся, если ты забыл. Мы начали все это, чтобы в твоей природе разобраться. А потом просто оба увлеклись и в познание неведомого втянулись, ну и параллельно я в себе кое-что интересное открыл.

Видимо, последняя фраза, вызванная приступом острой ностальгии, была сказана громче обычного, потому что девушка, стоявшая перед нами, оглянулась и как-то странно посмотрела на него. Но мой товарищ не растерялся и сказал ей какую-то глупость о том, что готовится к научному докладу и просто немного заговорился. После этого он посмотрел на меня добрым, но в то же время укоризненным взглядом, и стало понятно, что общение на сегодня закончено. По крайней мере, до тех пор, пока мы вновь не окажемся вдвоем. Это наша давняя договоренность, общаться вслух только в те моменты, когда рядом никого нет.

Отстояв в короткой очереди, мы купили билеты и отправились в сторону воздушной гавани. Его родители, словно между ними не было беспокойного разговора о судьбе сына, снова улыбались, вспоминая, как они были счастливы, когда вся семья жила под одной крышей. Еще через десять минут мы подъехали к зданию аэровокзала. Несколько гигантских дирижаблей, терпеливо ожидающих своих вылетов, величественно застыли в небе, демонстрируя всю гениальность человеческой мысли. Но даже если все лучшие умы цивилизации соберутся вместе, они не смогут дать мне и моему са-

тому близкому человеку ответ на главный для нас обоих вопрос: кто я такой, или что я такое? Почему лишь ему одному подвластно меня слышать и видеть? И что станет, когда его сердце остановится навсегда? Будет ли это смерть в обычном человеческом понимании? А то, что сейчас происходит – жизнь ли это? Или я просто часть его разума, слишком гениального и непонятного для этого мира? Но тогда почему я могу думать сам, независимо от него? Столько вопросов... Может, и не нужно их задавать, а ответы придут сами? Просто отпустить ситуацию и плыть по течению. Я твердо знаю лишь одно: насколько мне тяжело без разгадки моей тайны, настолько же тяжело и ему. Уже и не помню – когда это все началось? И как так вышло, что в голове одного из лучших умов современности появился я? Все произошло очень резко. Наверное, люди, которые теряют свои воспоминания, ощущают себя примерно так же: открываешь глаза и не понимаешь, кто ты и где находишься. Со временем начали всплывать какие-то обрывки призрачных образов. И хотя память – это понятие сугубо материальное, но каким-то образом я осознаю не только все, что было с моим другом, а еще и обрывки чего-то непонятного. Чего-то, пережитого, словно во сне. Но я понимаю, что все это было наяву и происходило со мной когда-то, вопрос лишь – когда?

Пробежав полсотни метров до входа, отделяющего искусственное, но столь желанное тепло от сурового мороза, мы зашли в здание. На входе, как и во всех государственных

ных учреждениях, висел огромный портрет Императора. Все взглянули на него, каждый со своими эмоциями, и проследовали к выходу для пассажиров. Мой друг, как обычно, тепло попрощался с родителями, предварительно выслушав от них напутственные слова. Затем показал контролеру билет, и мы направились на посадку.

– Знаешь, – прервав многочасовую тишину, сказал он, – столько лет прошло, а меня до сих пор не покидает чувство радости, когда мы везде проходим вдвоем по одному билету.

После этих слов он улыбнулся. И эта была именно та, настоящая, искренняя, столь редкая последнее время улыбка. Хороший знак. Должно быть, важное решение уже принято им, просто еще не озвучено. Но мы уже знали, каким оно будет. И оба знали, что это решение перевернет его жизнь. И мою, кстати, тоже...

Глава 2

Как же тут жарко!!! Эта мысль проносится сквозь сон каждое утро. Невозможно спать дольше, чем до десяти часов. Моя комната находится на солнечной стороне, и каждый раз я проклинаяю знойное австралийское лето. Везет тем, кто живет на побережье, им хотя бы океанский бриз помогает не сойти с ума. Я еще отчетливо помню то время, когда электричество не было в таком дефиците, и в каждом доме был кондиционер. Но с годами эти воспоминания все больше становятся похожи на красивый сон. Как бездарно мы это потеряли... И теперь такие люди, как я, не могут позволить себе ничего, кроме бесплатных подачек от местного муниципалитета в виде одного литра пресной воды на человека в сутки и пары просроченных консервных банок со старых военных складов. А ведь много лет назад, когда срок годности на этикетках еще не намекал на опасность для здоровья, я сам их ел с большим удовольствием. Это было перед Большой Войной, во время очередных учений, где мне и сделали предложение попробовать себя на армейской службе. Я, конечно, отказался, ведь как бы легко мне ни давалась физическая подготовка и стрельба из всех видов оружия, моя уверенность в успехе своих научных исследований находилась на самом пике. Тогда я был счастлив, мне казалось, что все закончится очень быстро, ведь прошли темные времена

средневековья и мы уже достаточно мудры, чтобы не свергнуть планету в хаос. Вся политическая напряженность должна была утихнуть со дня на день. По крайней мере, нам так говорили.

Каждое утро в моей голове крутится одна и та же мысль. почему я ничего не сделал, чтобы предотвратить все это? Ведь я мог, но просто не захотел, надеясь на порядочность тех, чьей работой и было заниматься восстановлением всего потерянного. И я говорю даже не о материальных вещах. В конце концов, не мы первые, кто лишился всего. Я имею в виду то состояние души, в котором хочется творить, хочется двигаться вперед. Но все пошло по другому сценарию, а когда моя вера в людей умерла окончательно, было уже слишком поздно.

Эти рассуждения полностью прогнали мой сон. Они вызывались неким чувством вины, которое нельзя ничем заглушить. Уже несколько недель я не мог выспаться. Днем этому мешает сорокоградусная жара, а ночью – мысли, которые проникают в мою голову и не дают мне покоя уже много лет. Хотя они мучают не меня одного.

Он, как всегда, сидел в кресле напротив кровати. К слову, это была единственная мебель в наших скромных апартаментах. Не было даже стола. Вернее, он когда-то присутствовал, но я нашел ему другое применение, отдав одному хорошему человеку, который поставил его в небольшой читальный зал своего музея. В комнате я жил один, и мне мно-

гие завидовали. Как-никак герою войны не по статусу делить ночлег с кем-то еще.

– Как спалось? – спросил меня мой спутник, сидевший в кресле.

– Как всегда, плохо, – ответил я хриплым после сна голосом.

– Не надумал воспользоваться своими старыми связями? – он задавал мне этот вопрос каждую неделю, обычно я оставлял его без ответа.

– Давно надумал, – неожиданно для себя самого ответил я. – Просто никак не решался начать. Ты ведь знаешь, что итог нашей затеи, скорее всего, будет провальным. Но с другой стороны, мне уже давно нечего терять.

И действительно, что меня тут держит? Мои товарищи давно лежат в земле, родителей у меня не было, а опыт, которым я в свое время хотел делиться со всеми, тут никем не востребован... Хотя нет, он тут как раз жизненно необходим. Но не опыт в области астрофизики, а познания в искусстве освобождения людей из плена, в который мы все попали благодаря своей недалекости. А освободиться из него можно только одним способом – умереть. Да, в этом я мастер...

Странная штука – генетика, ведь я должен был стать гениальным ученым. Для этого мою ДНК собрали по частям, учили столько лет, потратили миллионы. И все сработало! Но помимо этого, я оказался способным еще и к армейской службе. Как говорил мой инструктор: «У тебя превосходный

инстинкт охотника, сынок».

Только это больше не по мне. Главная прелесть войны в понимании, за что или против чего ты сражаешься. У тебя есть своеобразный договор со своей совестью. Вроде как мне приказали, вроде как я иначе поступить не могу, потому и сражаюсь насмерть. Всегда можно списать душевную боль на неизбежный долг перед Родиной и присягу.

Но война закончилась, и меня снова пригласили убивать, только теперь договор для совести предложили неприемлемый. Для большинства он подошел бы безо всяких проблем, но только не для меня. Быть начальником службы безопасности, чтобы охранять еду от тех, кого я еще вчера защищал... Или же пресекать любое неповиновение уставших от изнуряющей работы людей – это точно не по мне. А если прикажут – еще и стрелять на поражение... После такого я бы не смог жить, и пришлось бы одним нажатием на спусковой крючок оборвать у себя в мозге триллионы нейронных связей, которые так долго создавали то, что мы называем интеллектом. Поэтому я предпочел бесславную пенсию, отдельную комнату в муниципальном общежитии и двойной паек от тех, кого мы когда-то считали народными избранниками. По окончании этого бардака, называемого войною, власти забыли о том, что я существую и могу представлять какую-либо ценность. Мне повезло выжить в мясорубке, а впоследствии перенести все тяготы целенаправленного бездействия, приведшего к гуманитарной катастрофе. Она унесла больше жиз-

ней, нежели пули и снаряды, выпущенные всеми сторонами конфликта.

Надо было что-то менять, и я это чувствовал. Нет, я это знал! Меня к этому кто-то вел с рождения, но кто? Может быть, он? Мой друг смотрел на меня, прекрасно слыша то, о чем я думаю.

– Ты сам выбираешь свой путь, – ответил он. – Каждый человек сам себя ведет по этой земле, даже я – лишь твой помощник. Нам дана возможность выбирать, поэтому неправы те, кто считает нас животными. Ведь самое простое – сказать, что такими несовершенными всех сделал Творец, что мы вынуждены повиноваться инстинктам, и ради того, чтобы выжить, в определенные моменты забываем о морали и совести. Оправдать свою слабость очень легко, но в действительности всегда есть альтернатива. Этим выбором нас и проверяют: соблазнимся грехами или, проявив принципиальность и решительность, останемся порядочными? Немногие готовы идти в этом до конца, но ты пошел, и это обязательно зачтется. Не могу привести научных доводов, они скорее по твоей части, но в моем понимании жизни – ты все делал правильно.

– И люди зачастую выбирают не то, что им нужно, – вставая с мокрой от пота кровати, сказал я. – Мы вот навывирали уже, и что в итоге произошло? Еда, вода, электричество – все в дефиците. Работы нет, такие, как я, нужны лишь для тяжелого труда или для частной армии. Даже понятия «Государ-

ство», в том виде, в котором мы его когда-то знали, больше нет.

– Но, тем не менее, твой выбор уже сделан. Ты бы мог жить в достатке, но предпочел сохранить свою честь. Мог бы не рисковать собой, вытаскивая раненых товарищей с поля боя, но делал это, осознавая всю опасность. В конце концов, мог бы смириться с судьбой и начать пить, как делают многие в наших местах, и через год умереть от обезвоживания. Но ведь нет, ты собрался сделать то, к чему шел всю свою жизнь.

– Я не к этому шел, – мой ответ был достаточно резким. – Меня в этот мир привел генетический эксперимент, и, судя по всему, ты тоже его часть. Я должен был изучать Вселенную, конструировать космические корабли, разрабатывать новые теории. А что в итоге? Кто сделал свой выбор настолько неправильно, что перенаселение планеты приняло такие масштабы? Кто сказал, что мы должны делиться землей? И почему за этот выбор теперь отвечают все?

– Кто знает, может, ты и на этот вопрос найдешь ответ, – с ухмылкой отвечал мой спутник. – Меня больше волнует другое. Зачем мы с тобой через это прошли? У любого, а тем более такого хитрого замысла всегда есть конечная цель. И тот, кто все так сложно распланировал, должен был четко ее осознавать. То, что ты задумал, как раз и должно пролить на нее свет.

Еще пару минут мы оба сидели в молчании. Далеко не в первый раз между нами завязывался подобный разговор. И,

как обычно, он не мог привести к чему-то новому. Закончив нашу философскую беседу, я вытер пот сухим полотенцем, оделся и вышел из дома. На улице все будто вымерло. Неудивительно, ведь даже для местного климата было слишком знойно. Я уверенной походкой пошел в штаб Объединенного Содружества Наций. Всегда удивлялся этим странным названиям. Самые тоталитарные режимы зачастую прикрывались всевозможными патриотическими лозунгами: «Партия Освобождения кого-то» или «Демократическое Движение за что-то». Но в итоге освобождение на пару с демократизацией приводили к хаосу и разрухе.

Наш случай не оказался исключением. По своей сути, это была жесткая корпоративная диктатура, а в любой корпорации первостепенное значение имеет прибыль. И если учесть тот факт, что конкуренции в нашем мире давно уже не было, то и механизм, так слаженно работавший в довоенное время и хоть как-то сдерживавший их безграничное влияние, начал давать серьезные сбои. Именно такие люди собирались меня нанять. Если быть точным, должность называлась «Начальник службы безопасности и корпоративной этики Австралийского филиала Объединенного Содружества Наций». А проще говоря – карательный отдел местной исполнительной власти, в котором об этике вообще никто не задумывался. Из силовиков могущественнее только Инквизиторы, но ими могут быть лишь рожденные на Большой Земле. Слишком уж большая ответственность на них лежит, чтобы доверять

ее кому-то не из близкого круга. Так что, по причине своего происхождения, я бы никогда до такого не дорос. Хотя многие в колониях мечтают ими стать, осознавая всю несбыточность подобных грез. Еще бы... Это же абсолютная власть! Инквизитор может за секунду предъявить обвинение, вынести приговор и тут же его исполнить.

Путь до Конторы был недолгим. Зайдя в проходную, я увидел двух новых часовых. Раньше они мне не встречались. Должно быть, прибыла новая смена охранников с других континентов, ведь местные, несмотря на острую нужду, редко соглашались на работу в этом ведомстве. А тех немногих, изъявлявших желание, старались отправить куда-нибудь подальше, во избежание чрезмерной лояльности к своим землякам. Очень грамотная кадровая политика. Вдали от своего народа намного проще поддаться низменным чувствам. Никто тебя не знает, все вокруг ведут непривычный образ жизни. Создается впечатление, что попал на другую планету. И то поведение, которое далеко не каждый может себе позволить в привычной среде обитания, мгновенно становится нормой. В психологии своих сотрудников они разбирались очень хорошо.

– Куда прешь, пролетарий!!! – выкрикнул первый из них и начал подходить ко мне, сняв оружие с предохранителя.

– По уставу ты должен сначала выяснить, назначена ли мне встреча, потом предельно вежливо попросить меня показать карту гражданина, и только при ее отсутствии тебе

дается право считать меня нарушителем паспортного режима, а следственно, считать лишенным всех законных прав, – очень спокойно и неторопливо ответил я.

– У нас тут, похоже, юрист нашелся! – рассмеявшись, выкрикнул он. – А ты знаешь, что я могу тебя просто пристрелить и закопать в общей могиле с неопознанными покойниками? И твою карту гражданина кину туда же!

– Остынь, по нему видно, что он равноправный, – неожиданно вступился за меня второй часовой. – Зубы все на месте, трезвый, чисто одет. Вы к кому?

– Очень приятно, что не у всех вас отсутствует воспитание, – с улыбкой поблагодарил я своего заступника.

Происходящую картину наблюдал мой извечный спутник. При этом ничего не предпринимал, а только ждал, чем все закончится. Последнее время он вообще неразговорчив. Лишь смотрит на мою реакцию в подобных ситуациях, а потом комментирует ее. Вот и здесь он, лишь молча улыбнувшись, прошел между моих потенциальных обидчиков; его фигура скрылась в здании. Как хорошо в такие моменты побыть одному. За столько лет я привык, что он всегда рядом; но в те минуты, когда его нет, мне становится так свободно и хорошо. Правда, недолго. Потом я снова осознаю ту пустоту, которой и так было предостаточно в моей судьбе, и мне становится одиноко. Хотя одиночество – это мое нормальное состояние, оно преследует меня всю жизнь. Если бы не мой необычный спутник, то я, скорее всего, давно бы сошел с

ума. Но он постоянно меня куда-то направляет. Дает стимул и энергию. Даже то дело, за которым я пошел в это место, как раз заслуга моего товарища. Уже не представляю, как бы я жил без него.

– Впустите этого человека, – донесся командирский бас из верхнего этажа здания.

– Сэр, нам проверить его документы? – полюбопытствовал хам, который выискивал повод, чтобы сцепиться со мной.

– Нет, лучше запомните его лицо. Если увидите этого парня на улице – обходите стороной, иначе есть риск досрочной демобилизации в пластиковом мешке.

Чувство юмора обладателя мощного голоса было поистине солдафонским. Все шутки – лишь о суровых мужчинах и о смерти. При этом – все несмешные. Растерянные охранники расступились и дали мне возможность пройти. А ведь несколько лет назад я бы не стал ждать приглашения. За такую дерзость, исходящую от ненавистного моей природе человека, я мог и кадык вырвать. Но в таком случае второй схватился бы за оружие, подумав, что я нарушитель, и мне пришлось бы убить и его. Хорошо, что я этого не сделал, ведь парень еще не прогнил на этой работе окончательно. Кто знает, может, он сделает верный выбор, и Бог его направит в нужную сторону. Как раз поэтому мой спутник и наградил меня одобрительной ухмылкой. Настолько хорошо меня знает, что с легкостью предугадал мою реакцию на происхо-

дяде. С годами я становлюсь спокойнее. Или это просто старость, которую я пытаюсь замаскировать под мудрость?

Зайдя внутрь, я подумал, что попал в рай! Легкая прохлада обволокла все мое тело. Я уже и забыл, насколько приятно пользоваться кондиционерами. На мгновение во мне заговорила темная сторона. Со скоростью света в голове промелькнула мысль о том, что отказаться от всех этих благ было не самым правильным решением. Но я тут же одернул себя, загнав соблазны поглубже, и пошел по лестнице наверх, к тому человеку, который остался одним из немногих, кто на этой работе не потерял голову от творившегося бардака и безнаказанности. К тому, чье израненное тело я на себе выносил из индонезийских джунглей.

Не успел я постучать, как дверь уже распахнулась передо мной. Боевой товарищ, с которым мы пережили очень многое, расплылся в улыбке, и даже шрам на половину лица ничуть ее не портил. Он обнял меня, и мой нос сразу учуял запах алкоголя. Я, конечно, давненько его не видел, но раньше он никогда не пил. На войне всем свойственно заливать боль и усталость чем-нибудь горячительным, но мы с ним были немногими, полностью отрицавшими такой вариант расслабления. И это неоднократно спасало нас от смерти. На жизненном пути должно было произойти нечто из ряда вон выходящее, чтобы этот волевой человек изменил своим принципам. После горячего приветствия он пригласил меня присесть. Мой спутник был уже там и стоял в углу кабинета, не

привлекая к себе излишнего внимания.

– Рад тебя видеть, господин полковник, – сказал находившийся когда-то в моем подчинении капитан, а ныне командующий Внутриконтинентальными силами безопасности Пятого округа Австралийского континента. – Давно ты к нам не заходил, неужели передумал насчет работы?

– Тебе ведь известно, что я никогда не передумаю, – улыбувшись, ответил я. – Слишком упрямый, чтобы прогибаться под новую систему. Столько лет прошло, а твое лицо почти не изменилось. Только вот раньше ты не пил, если мне память не изменяет. Что-то случилось?

При этих словах оттенок улыбки на его лице стал каким-то грустным. Подумав пару мгновений, он ответил:

– Понимаешь, я последнее время к зеркалу подхожу, смотрю на себя – и не узнаю. Вроде внешне все то же самое, а чувствую, что уже другой человек внутри сидит. Знал бы ты, чем нам тут иногда заниматься приходится... Ну, не будем об этом. Тем более последнее время то, от чего меня коробит, мы делаем все реже и реже. Но доброжелателей всегда хватает, не надо лишний раз не по теме беседовать. В моей организации даже у стен есть уши. Запросто могут Инквизитору наш разговор передать, а нам с тобой этого точно не нужно. Лучше ты расскажи, с чем пожаловал в гости?

– Пришел коррупцию в вашем ведомстве разводить, – иронично отвечал я. – Мне нужна выездная виза.

– А ты, оказывается, коррупционер! – с еще большей иро-

нией заметил мой боевой товарищ. – Пиши заявление на мое имя, вот тебе бумага. Хотя я еще в школе все заносил в одну электронную тетрадь, а наши учебники были на переносных носителях. Но теперь словно на пару веков назад откатились... Ну, меня снова куда-то в сторону от темы понесло. В общем, пиши, что я, такой-то, прошу разрешить мне неограниченный проезд по континенту, а также посещение всех социальных уровней в городах. Короче говоря, форму знаешь, заполняй. Только бланки у нас старые, там еще 2067 год указан. Зачеркни и на 2070 исправь.

– Ты не понял, – сказал я. – Мне надо сделать визу на Большую Землю.

После этих слов улыбка с его лица ушла окончательно.

– Ты же знаешь, что это практически нереально. Мне самому туда уже редко выезд одобряют. Все жестко привязаны к своим поселениям. Я могу сделать тебе свободную визу для передвижения по континенту, но разрешение для поездки на Большую Землю нужно согласовывать с главным Инквизитором. Других вариантов нет.

– Знаю, – настойчиво продолжал я. – Вот и устрой мне с ним встречу.

– Легко сказать, – взволнованно возразил мой старый знакомый. – Я сам неделями могу ждать, пока меня примут, а ты говоришь – устрой. Тем более этот новый, которого два года назад прислали, уж очень странный. Казалось бы, за такое время все должны были с ним общий язык найти, а он, слов-

но проверяя каждого, держит нас на расстоянии. С прежним всегда могли договориться. Чего греха таить, тоже в своих интересах политику проводил. С ним все было предсказуемо. Истинный человек системы. Проявляй лояльность к режиму, исполняй приказы, требуй того же самого от других. В таком случае и на твои прегрешения глаза закроют. Но этот – очень подозрительный, тем и опасен. С одной стороны, на словах ничего не поменялось, но на деле... Не могу объяснить, но уверен на сто процентов, что он знает все темные и слабые стороны каждого из своих подчиненных. А сам при этом кристально чист. И команда с ним такая же. Подобные люди в один момент могут накрыть всех сразу. Только вот зачем все эти игры? Боюсь я его. И не потому что мне, как и другим, есть за какие проступки переживать. Причина в новых правилах игры, в которые нас не посвящают. И, значит, мы рано или поздно окажемся вне системы. Так и сидим, как на бочке с порохом, почти два года. А чтобы с ума не сойти – приходится чуть ли не каждый день расслабляться, – он показал на пустую бутылку виски, – вот и спиваюсь потихоньку. Господин полковник, во что я превратился? Мы же с тобой на войне ничего не боялись, хоть и смерть нас постоянно караулила. А тут я каждый день просыпаюсь с мыслями о том, что именно сегодня за мной и придут.

– А все из-за того, мой друг, что на войне у нас совесть чистой оставалась. Правительство нам заранее подписало индульгенцию. Но потом ты согласился работать с новым режи-

мом, а я нет. И теперь рано или поздно придут за нами обоими. Но я пойду на встречу с Богом со спокойным сердцем, а ты нет. Именно поэтому мне в своей душевной комнатухе в общежитии спокойнее, чем тебе в своей прохладной тюрьме. Но кто знает, возможно, я после встречи с этим загадочным Инквизитором исчезну навсегда. А твоей участью будет до глубокой старости сидеть и ждать, пока за тобой придут. Ждать и бояться. Не подумай, что хочу оскорбить тебя этим. Раз мы друзья, то обязаны честно все высказывать. Я пришел к тебе – иначе до верха не достучаться; но с твоей помощью это вполне реально.

– Знал бы ты, как сильно я не хочу звонить в его канцелярию. Потом ведь спросят, почему я за тебя ходатайствовал... Давай, может, что попроще сделаем?

– Нет, – настаивал я. – Мне нужно именно это. Тем более, ты же не профсоюзного активиста к нему отправляешь, возможно, он обо мне даже что-то слышал, раз уже два года на этом месте.

– Этого я и боюсь! Скажет еще, что я с вольнодумцем дружбу вожу. Ты же многое себе говорить позволяешь, а у нас все записывается. И поверь, никто про это не забывает.

– То есть ты мне отказываешь – после всего, что я сделал лично для тебя? – намеренно возмутившись, спросил я.

– Нет, не отказываю! Просто хочу, чтобы ты придумал нечто не настолько опасное и сложное, – отвечал он, отводя взгляд.

– А мне не надо прощсе. Я вот не искал простых и менее опасных путей, когда тебя раненного на себе вытаскивал...

– Молчи, прошу тебя, – вставая со своего кресла, виноватым голосом произнес мой фронтовой друг. – На совесть мою давишь. Я пытаюсь о ее существовании забыть, а ты напоминаешь. Видели бы мои подчиненные, как я перед тобой оправдываюсь – не поверили бы в реальность происходящего. Для них я другой. А ты мое лицо и душу еще без шрамов застал, вот и чувствую должок за собой. Дай мне минуту подумать.

С этими словами он встал и вышел из кабинета. Мой спутник, наблюдавший за происходящим из угла комнаты, обратился ко мне:

– Как ты считаешь, что он решит?

– Да ничему уже не удивлюсь, – тихо ответил я. – Не удивлюсь, даже если он предполагает, что все это – провокация. Будто бы я пытаюсь его подсадить на столь завидном, для большинства, месте, и записываю весь разговор. Если он и правда так подумал, то вернется со взводом солдат, арестует меня и передаст как раз туда, куда мы и стремимся попасть.

– Он просто запутался. Жизнь подходит к концу, а он в ней себя так и не нашел. Вроде и должность шикарная, и уважение в своей среде, а счастья нет. Так что не думай о людях слишком плохо, – сказал мой необычный собеседник.

– Раньше я думал о них слишком хорошо, больше такой ошибки не повторю.

Но я оказался не прав, и был этому несказанно рад. Осталось в нем что-то человеческое, даже при такой работе. Через полчаса мой фронтовой товарищ вернулся, держа в руке пластиковый пропуск и тонкую папку с бумагами.

– Тут написано ходатайство и рекомендации от меня. Внутри континента действует на каждом КПП, в столице дает право на перемещение по всем уровням. Как зайдешь в здание Главного управления безопасности, найди отдел по борьбе с инакомыслием. Там предъявишь этот пропуск и скажешь, что хочешь получить визу на Большую Землю. Дальше тебя проводят в нужный кабинет. Но я бы, на твоём месте, туда не пошел. Если откажут, то, скорее всего, недолгий остаток своей жизни проведешь у них же в подвале.

– Не худший вариант. Хоть помогут мне мучения прекратить, – иронично заметил я.

– Глупости говоришь, – с досадой сказал когда-то подчиненный мне капитан. – Чем тебе тут не живется? При твоём славном прошлом, тебе можно было бы как раз в том здании работать, куда за визой пойдешь. У них там все иначе, еще лет тридцать, и жизнь наладится. Мог бы и поспособствовать этому. Новое общество всегда тяжело строить, бывают и перегибы.

– Надеюсь, тебя эти перегибы не коснутся, друг мой, – с благодарностью отвечал я. – Мне и в нашей глуши хорошо, но так и жизнь пройдет незаметно. А я не могу без движения. Впрочем, как и ты, иначе бы не искал смысл существования в

выслуге перед начальством и на дне бутылки. Спасибо тебе, и завязывай пить, до добра это не доведет. Кстати, мне же надо какие-то бумаги заполнить?

– Иди уже, – выдавив улыбку, произнес он. – Сам все заполню. Твои анкетные данные в моей голове навсегда остались, да и не только в моей. Я часто бываю в разных городах и поселениях, тебя до сих пор везде помнят и уважают. И ты, несомненно, этого заслуживаешь.

Я не стал ничего отвечать, выразив взглядом всю мою признательность. Мы молча обнялись. Наши дороги опять разошлись. Я вышел в раскаленную духовку дня, оставив позади столь приятную прохладу. До дома мы с моим вечным спутником дошли молча. Там мне предстояли короткие сборы в поездку и последующее ожидание вечера, когда гиперпоезд, в котором я так давно не путешествовал, доставит нас обоих в столицу. Завтрашний день обещал быть насыщенным – а возможно, даже последним в нашей с ним жизни.

Глава 3

Петроградская зима выдалась на редкость теплой. Снега почти не было, а тот, что выпадал по ночам, таял в течение следующего дня. Солнце, как всегда, пряталось за низкими серыми тучами. Автомобили заполняли собой широкие проспекты, а люди на тротуарах ходили не улыбочивые и по-столичному угрюмые. И действительно, повод для улыбки был далеко не у каждого. Одно дело, если тебе повезло родиться в сердце Империи, впитать в себя с младенчества дух этого города, расти вместе с такими же детьми, предки которых уже столетие назад бродили по тем же улицам, точно так же сетуя на специфическую погоду этого региона, с нахмуренным лицом укутываясь от мокрого ветра. В большинстве своем, именно далекие отпрыски этих людей сейчас и прячутся от неприветливой погоды в уютных автомобилях, несущих своих хозяев каждое утро на их насиженные места. Ведь многие получили свою непыльную работу как раз потому, что их родители уже потратили жизнь на то, чтобы познакомиться с нужными людьми, и передали наработанные связи по наследству. Ровно настолько же легче придется их детям, а впоследствии и внукам. Гораздо труднее живется тем, кто приехал сюда из провинции в поисках новой жизни. Тем, кто не смог найти себя и свою судьбу в том месте, в котором ему суждено было родиться. Им казалось, что все жизнен-

ные трудности происходят лишь потому, что их город слишком мал для столь величественных фигур. Что выдуманное ими самими отсутствие перспектив убивает их личности. Но стоит лишь приехать в город возможностей, как там их таланты тут же будут замечены, и поток выгодных предложений накроет каждого с головы до ног. Реальность оказывается куда суровее, и лишь немногим, таким как мой друг, удастся по-настоящему реализовать себя. А остальные серыми, слившимися воедино толпами идут каждое утро по мокрым улицам, добираясь по два часа на общественном транспорте от съемного жилья до ненавистной работы, с нетерпением ожидая очередной пятницы, чтобы хоть на вечер в ближайшей пивной забыть про постылый понедельник.

Как только мы спустились по трапу на землю, сразу же почувствовался ритм большого города. Поразительная разница ощущалась между тем, как тихо и спокойно было за облаками, где огромный цеппелин неспешно разрезал ледяную тишину небес, и тем, что творится внизу. Особенно тут, в центре величайшей Империи, когда-либо существовавшей на Земле. Поразительно, как далеко мы продвинулись за последние тридцать лет: от крестьянской, раздираемой внутренними противоречиями страны до самой большой сухопутной Державы, при упоминании которой даже наши соперники, доселе смотревшие свысока на весь мир, испытывали дискомфорт. От сельских покосившихся избышек и восковых свечей до величественных двухсотметровых зданий и

лазерных вывесок на куполе ночного неба. Безусловно, это возникло не на пустом месте. До смутных времен была такая же волна успеха, на фундаменте которого все и началось строиться с нуля. Такие циклы сменялись один за другим не первый раз. Это наша вечная проблема: сначала сами себе из ничего создаем трудности, а потом, ценой огромного напряжения, героически их преодолеваем.

Другое дело, какую за это нужно платить цену? Создавая что-то новое, пусть даже и прекрасное, иногда приходится чем-то жертвовать. Соблюсти баланс внутренних интересов и внешних вызовов, оставаясь столько лет у власти, мог далеко не каждый. Но у Императора это получилось. Не бесплатно, конечно. Представляю, как подобные ему попадают в такие ловушки. Будто кто-то свыше соблазняет их различными перспективами, играя на тщеславии и желании увековечить своё имя. А затем наблюдает за происходящим, получая удовольствие от различных эмоций, которые генерируют сердца жертв этой игры. Хотя со временем эти жертвы втягиваются и приспособляются к такому образу жизни. Иначе можно просто сойти с ума, осознав весь масштаб необратимости сложившейся ситуации. Наверное, каждое действие, возвышающее тебя над миром, налагает все больше обязательств. И в итоге на вершине Олимпа приходит осознание, что при всем могуществе ты превратился не только в самого великого, но и в самого несвободного человека.

Но в данную минуту мы думали о другом. Выспавшись в

убаюкивающим дирижабле, мой друг, забежав домой, чтобы оставить вещи и переодеться, решил не затягивать и тут же поехал в министерство просвещения. Он понимал, что в нашем бюрократическом обществе, если, конечно, есть такая возможность, нужно сразу идти на самый верх, минуя все стадии никому не нужных запросов и согласований. Далеко не все могли попасть туда так легко, но он мог себе позволить и не такое.

Расплатившись с таксистом, он уверенной походкой зашел в огромные старинные двери. Охрана в фойе сразу его узнала, поэтому удостоверение доставать не понадобилось. Чтобы не ехать со всеми, мы решили воспользоваться служебным лифтом. Не потому, что считали себя выше других, а потому, что с высокой вероятностью там бы его тоже кто-нибудь узнал, и начались бы эти бесконечные расспросы обо всем и ни о чем. И пришлось бы всем вежливо отвечать, рассказывать о недавних экспериментах, о том, что магии и колдовства не существует и это все можно объяснить с рациональной стороны. И что современная наука до этого просто еще не дошла, точно так же, как раньше человек считал магией огонь и молнии, а теперь мы подчинили и то, и другое. Все это в наши планы не входило. Мы оба были полны решимости сразу же перейти к делу.

Служебный лифт доставил нас на верхний этаж, там было всего несколько кабинетов и большой зал для конференций. Окна были панорамными, от пола и до потолка, вид из

них, на высоте в сотню метров, открывался восхитительный. Незамерзшая Нева омывала многочисленные острова, где-то внизу текли реки спешащих людей и потоки ревуших машин.

– Как красиво, – сказали мы одновременно.

– А ведь ты мог сидеть в кабинете как раз на этом этаже, – посмел напомнить ему я. – Именно с таким величественным видом на город.

– Это, пожалуй, единственный плюс в данной работе, но многие минусы перекрывают его с лихвой. Тем более, я бы еще подумал, если бы мне дали тот кабинет, в который мы сейчас пойдем.

– Сам же знаешь, что такому, как ты, не могут дать полную свободу действий, иначе столько дров наломаешь. И они это знают не хуже, поэтому над тобой всегда должен быть начальник, который будет сдерживать, а иногда даже останавливать тебя. И, наверное, это правильно. Если бы все люди были похожими на тебя, то неизвестно, что бы получилось в итоге: или быстрый прогресс, о котором мы и мечтать не можем, или уничтожение всего человечества в пожаре мировой войны.

– Быть может, это человечество другого и не заслуживает...

– Мне всегда нравился твой оптимизм! – с улыбкой сказал я. – Но второй по значимости кабинет в этом здании тоже хорош. Тем более, за пару лет ты бы вполне мог очутиться

на том самом месте, куда мы направляемся сейчас, ведь у него это получилось. И теперь над ним стоит лишь один человек, зато какой! Ты был бы не против поработать под его непосредственным руководством. Хотя я не уверен, что он так уж сильно контролирует все происходящее в этом министерстве. Он доверяет нашему другу так, как раньше доверял тебе, а в Империи сейчас есть и другие дела, требующие его полного внимания.

В воздухе повисло нелегкое молчание. Я чувствовал, что его мысли устремились в прошлое, доставая из кладовой сознания все мысли и переживания, связанные с этими двумя людьми. Надо было немного разрядить эту атмосферу, не хватало еще посеять зерна сомнения в его голове.

– Кстати, – веселым голосом продолжил я, – по изначаль- ному проекту твой несостоявшийся кабинет был задуман как зеркальное отражение главного. Между прочим, специально для тебя. Чтобы самолюбие не ущемлять. Но после твоего отказа и ссылки в университет его просто поделили на четыре части и отдали остальным заместителям, они были несказанно рады такой роскоши.

– А ты откуда знаешь? Я что-то не припоминаю таких подробностей...

– Тебе это говорил один из чиновников, проходящих с проверкой во время исследований, ты просто не запомнил.

– Я стараюсь не засорять память такими мелочами.

– Правильно, для мелочей есть я, – после этих слов его

лицо озарила улыбка, означавшая, что нужно было начинать действовать. – Давай прервем наше безмятежное созерцание, все равно не в нашей власти изменить того, что было. Зато можно попробовать сотворить то, чему еще только предстоит свершиться.

Не ответив на мою последнюю реплику, он уверенным шагом пошел к массивной деревянной двери в левом крыле этажа. Войдя в приемную, мы увидели привычную картину. Несколько человек покорно ожидали своей очереди, чтобы зайти на поклон к тому, кого они, скорее всего, ненавидели, но кого при этом должны были боготворить и бояться. Ведь одним росчерком пера он мог закончить научную карьеру любого из них, и точно таким же движением вознести какого-нибудь счастливица на «Олимп», поближе к себе. Но никогда не приближая на опасное расстояние, ведь теперь он был не просто ученым, а еще и политиком. А в этом ремесле даже его талант не всегда мог помочь в распознавании истинных намерений приходивших к нему людей, поэтому он всегда соблюдал дистанцию между собой и даже самыми проверенными подчиненными.

Только ему была дарована честь докладывать Императору о наших успехах. Хотя это и случалось не часто. Наше министерство испытывало кадровый голод, впрочем, как и всегда. Инициативных людей было мало, никто не хотел рисковать своим насиженным местом. Многие просто предпочитали вовремя прогнуться и с усердием исполнять любые

приказы свыше. В основном все эти люди, смиренно ожидавшие своей очереди в приемной, шли к большому начальнику, не владея ничем иным, кроме обычного отчета о проделанной работе. А он требовал от них, как ему казалось, сущий пустяк – перевернуть мир!!! Для него это была вполне осуществимая задача, потому что когда-то у нас с ним это довольно неплохо получалось...

Последние десятилетия на науку выделялись огромные ассигнования, поэтому работать под покровительством министерства просвещения стало не только престижно, а еще и крайне выгодно. Но вместе с выгодой эта работа означала огромный груз ответственности, ведь невыполнение возложенных на тебя обязательств могло закончиться в лучшем случае снятием с должности. А при выявлении «нецелевого использования государственных средств» и вовсе можно было пойти под трибунал. Приговор военного суда над казнокрадами практически всегда подразумевал пожизненную каторгу. Но мучения осужденных, как правило, не продолжались более десяти лет: суровые условия сибирского «гостеприимства» были не под силу привыкшим к праздной жизни бездельникам. При всей строгости законов, неповоротливую систему всегда можно обмануть. Главное, чтобы поставленная задача была выполнена. И даже самые строгие проверяющие закрывали глаза на небольшие превышения бюджета. Такой вот сложный симбиоз между разными ветвями власти. Все знают, что каждый понемногу приворочивает, но

при этом если не нагнать, то все будут закрывать на это глаза. Но стоит одному чиновнику стать жертвой обстоятельств, как еще вчерашние, настолько же коррумпированные друзья в один голос осуждают вредителя и подлеца. Каждый из них, страдая потом несколько недель от бессонницы, вызванной нервным истощением, молится всем богам, чтобы не пришли за ним. Потому что прекрасно понимает – на каждого из них в определенном месте заведена папка с документами. И чем толще она становится, тем сильнее он становится зависим от системы. Со временем спокойный сон к ним возвращается, и злоупотребления начинаются вновь. Иногда они пытаются вести себя скромнее, и им позволяют немного зарабатывать на их должностях. Ведь главное – полная лояльность к власти и обеспечение этой же лояльности на введенных им территориях. А иногда чувство страха притупляется слишком сильно, и в таком случае они пополняют собой статистику осужденных за государственную измену. Отчасти этим жестким мерам мы и обязаны тому процветанию, стабильно приходящему в нашу Империю, которая, крепнув и расширяясь, всегда забывала о том, что всему этому успеху она обязана населяющим ее людям, приносящим себя в жертву на алтаре Мировой Истории.

Этого понимания нам катастрофически не хватало до тех пор, пока не свершилась так называемая «Тихая Революция». То время я помню только благодаря своему другу. Меня тогда еще не было в этом мире. Хотя, может, меня и сей-

час в нем нет... В общем, все началось с того, что три десятка лет назад, одним прекрасным утром все проснулись в другой стране, но на тот момент этого еще никто не знал. В одну ночь представители прошлой династии, доведя Империю до полного морального и физического истощения, просто исчезли. Все до единого. Никто до сих пор не знает, что с ними случилось, и эта тема по сей день является запретной. Но самое странное, чего многие на планете даже сейчас не могут понять, каким образом все это произошло так тихо и бескровно? Несомненно, это была главная заслуга тех, кто спланировал эту операцию и так искусно ее исполнил. Кто знает, каким путем пошла бы история, если бы этого не произошло? Если бы из «Тихой» она переросла в «Громкую», разнося крики братоубийственной войны по всему земному шару? Но об этом можно только лишь догадываться.

Из всех людей, ожидающих в приемной, нам не было знакомо ни одно лицо, и это было непривычно. Раньше мы знали всех, кто сюда заходил, но времена изменились. Да это и неудивительно, ведь последний раз мы приходили в этот кабинет два года назад. Хотя лицо личного секретаря «Хозяйина», как его называли все, кто имел отношение к этому ведомству, было нам хорошо знакомо. И этот человек являлся одним из немногих на планете, кто искренне его любил, ведь это была его мать. Как давно мы ее знаем? Почти двадцать лет. Примерно в то самое время, когда я стал ощущать себя в этом мире и начал общаться со своим другом, появилась

она. К молодому, еще никому не известному аспиранту физико-математического факультета, увлекающемуся необъяснимыми явлениями, пришла тогда еще молодая женщина. Она объяснила, что ее нигде не хотят слушать, и последняя надежда ее умирающего сына – это он...

Увидев моего товарища в приемной, строгая женщина вдруг изменилась. От ее серьезности не осталось и следа, а лицо озарила искренняя улыбка. Но они оба помнили, что сейчас находятся при исполнении своих рабочих обязанностей, и не стали проявлять радость при посторонних.

– Добрый день, – сказал он, подходя к ее столу. – Мне нужно встретиться с Хозяином, хотя я не предупреждал о своем визите. Он у себя? Сильно занят?

– Молодой человек, где ваше воспитание? У нас не принято так называть людей. Это пахнет каким-то неравенством, – с усмешкой ответила она.

– Прошу меня простить, думал, в этом здании все его так называют, – сказал мой друг, глядя на ожидающих своей очереди гостей. – А что касается вопроса неравенства, так на нем и основано наше общество, да и не только наше. Весь мир стоит на жесткой иерархии, иначе мы бы уже давно вымерли как вид. Ведь если бы все были равны, то разве хоть один из сидящих тут ждал бы сейчас своей очереди в этой красивой комнате? – все присутствующие сделали вид, что ничего не слышали, – равенство порождает анархию. Внутренняя мысль о всеобщем равенстве даже самому примитивно-

му жителю планеты, и он незамедлительно потребует к себе такого же отношения, как к самому Императору. Такая идея станет началом конца для всего, что вы тут делаете, – после этих слов сидящие чиновники ощутимо занервничали, а у некоторых даже лбы покрылись потом. Они явно знали, что перед ними опальный ученый, некогда работавший под началом того, о ком они и думать боялись. А упоминание его должности в таком неоднозначном монологе застало их врасплох.

– Мне кажется, что этот самый Хозяин уже заканчивает встречу со своим гостем, сейчас схожу и узнаю поподробнее. А вы пока можете пофилософствовать с этими людьми, – кокетливо ответила она, окидывая взглядом всех присутствующих. – Для начала можете объяснить, почему им придется ждать своей очереди еще неопределенное количество времени, пока вы не наговоритесь с министром.

Она встала из-за стола и твердой походкой зашла в высокие деревянные двери. Так уверенно в этот кабинет мог зайти далеко не каждый. И лишь немногие знали, что этой женщине, лет сорока на вид, на самом деле уже шестьдесят два года и что выглядит она сейчас гораздо лучше, чем в тот день, когда мы познакомились около двух десятков лет назад. И уж совсем считанные люди понимали, в чем секрет ее молодости. Но нам посчастливилось быть среди тех избранных. Более того, отчасти из-за нас она выглядит так, как сейчас. Вообще-то не буду скромничать, так она выглядит имен-

но благодаря мне, и при этом даже не догадывается о моем существовании. Вся ее благодарность направлена в сторону моего друга, и я ничуть не обижаюсь.

Вернувшись из кабинета с пожилым мужчиной, который был немного возмущен столь скорым окончанием встречи, но при этом старался не показывать вида, изображая любезность, она проводила его и, вернувшись, отвела моего друга в сторону, где почти шепотом сказала ему:

– Если вы снова поругаетесь, сделай одолжение, не уходи сразу же. Выйди и дождись меня возле лифта. Хотя, даже если вы каким-то чудом найдёте общий язык, все равно дождись. Договорились?

– В любом случае – по рукам, после встречи я буду в фойе. Но, думаю, мы не поругаемся, все-таки с годами люди становятся мудрее и сильнее. Это относится не только к твоему сыну.

– Иногда мне кажется, что к нему это вообще не относится, – с улыбкой сказала она, и, открыв дверь кабинета, пригласила нас войти.

Мы не стали медлить и уверенным шагом прошли в дверь, которая тяжело захлопнулась за нами. Кабинет действительно поражал величиим. Наверное, если каждый день проводить в нем большую часть своей жизни, то этого можно уже и не замечать. Более того, он может стать твоей тюрьмой, которую легко возненавидеть. Но не менее легко к этой тюрьме привыкнуть. Разжечь костер тщеславия в душе настолько,

что осознание своего величия, своего триумфа, своего могущества опьянит человека так сильно, что он не сможет представлять себя в ином качестве, кроме как главного и единственного заключенного этого, с виду вполне приличного, каземата. Но хозяин этого кабинета, как ни странно, таким не был. Несмотря на то, что от него зависели не только судьбы имперской науки, но и, в некоторых случаях, судьбы самой Империи, он был человеком весьма скромным. Увидев такого на улице, вы ни за что бы не догадались, что он чем-то отличается от обычного прохожего. Да многие и так видели его каждый день. Ведь если он не оставался спать на работе, а такое случалось практически постоянно, то утром за ним не заезжала бронированная машина со специальными отличительными сигналами. Вместо этого он сам, зачастую пешком, а в дни, когда петроградская погода была не очень благосклонна к жителям столицы, в чреве метрополитена добирался до рабочего места. Многие спросят: «А почему же тогда такого видного человека не узнавали на улицах?» Ответ будет очень простым. Потому что он не хотел, чтобы его узнавали.

Когда-то давно его мать пришла к моему другу. Ее сын умирал, и никто не мог понять, почему. По всем медицинским показателям его здоровье обещало смерть в почтенном старческом возрасте, если, конечно, в судьбу не вмешается Создатель, забрав его к себе при помощи несчастного случая или шальной пули. Но при всем внешнем оптимизме, вра-

чи прекрасно видели, что силы его покидают, и разводили руками, не понимая причины. И тогда, цепляясь за призрачную надежду, его мать решила на то, о чем в обычной ситуации здравомыслящий человек вряд ли бы даже подумал. Она пришла на кафедру к неизвестному молодому ученому, которого сложно было назвать таковым. Совсем недавно он сам был среди тех студентов, кому сейчас пытался объяснить то, чего сам толком ещё не понимал. Но, несмотря на его молодость, его научные работы и эксперименты с силами, о которых мы и сейчас имеем лишь смутное представление, были известны в очень серьезных исследовательских кругах. Впоследствии выяснилось, что им уже тогда интересовались не только люди науки, но и из других, более влиятельных и при этом не столь открытых структур. Честно признаться, в его успехе, несомненно, была и моя заслуга. Когда он меня еще не видел, я нашептывал ему на ухо то, что помогло ему подобрать ключ к пониманию некоторых необъяснимых явлений. Он был моим передатчиком информации. Не понимаю, откуда во мне все это, но, появившись возле него из пустоты, я твердо ощущал все скрытые от обычного человека знания, а также то, что моей задачей как раз и является направлять его в нужную сторону.

Так вот, его успех привлек внимание женщины, потерявшей надежду. Он сначала хотел отказаться. И его можно понять, ведь давать шанс на исцеление, а потом не оправдать тех ожиданий, которые на тебя возложены, не хочется нико-

му. Если тебя, конечно, помимо экспериментов над живым подопытным интересует еще и своя совесть. И тут, опять же, последнее слово было за мной. Я попросил просто взглянуть на того, кто нуждается в помощи, и если мой друг поймет, что не в силах исправить ситуацию, пусть прямо об этом скажет, сочувственно извинится и «умоет руки». Но эта встреча изменила жизнь обоих. Один после нее не только выжил, но и добился головокружительных успехов, а другой, победив свой скептицизм и недоверие к тому, что он сам изучал, решил окончательно связать свою судьбу с тем, что в то время и наукой-то не считали.

– Я знал, что ты придешь, – прозвучал приятный голос со стороны большого кресла во главе стола, но оно было повернуто к нам своей спинкой, а сидящий за ним смотрел на портрет Императора, возвышающийся в кабинете.

– А я знал, что ты будешь меня ждать, – ответил мой товарищ, подойдя к огромному окну и оглядывая любимую им столицу. – Почему стекло в твоём кабинете стало так искажать пейзаж? В холле все видится несколько иначе.

– Ты всегда любил подобные двусмысленные вопросы, – ответил Хозяин и, встав с кресла, направился к нам. – С одной стороны, все дело в том, что мир всегда не такой, каким мы его видим. Существует множество факторов, искажающих действительность, которые далеко не все из нас понимают. А с другой – все гораздо банальнее: последнее время обстановка достаточно напряженная, я принял решение за-

менить обычное стекло на бронированное, а то я в этом кабинете как на ладони. Бывал в океанариумах? Так вот, у меня стекло примерно такое же, как в стеклянных тоннелях, по которым ты идешь, а сверху плавают рыбы.

– Странный ты человек. Там оно хотя бы от акул защищает, а к тебе сюда хищники заплывают каждый день, и стекло их ничуть не останавливает.

– Всех акул, обитавших в этом аквариуме, я давно выловил и сварил из их плавников суп, – произнес он, подойдя к нам вплотную. – Несмотря на то, как мы в прошлый раз расстались, я все равно очень рад тебя видеть, Учитель, – сказал он, обнимая моего друга.

– Ты же знаешь, что я никогда тебя ничему не учил, – отвечал тот, обнимая Ученика в ответ. – Лишь показал тебе, что все это реально, а как этим пользоваться, ты доходил сам. Я просто подтолкнул в нужном направлении, а ты сделал первый шаг, чтобы не упасть.

Обнявшись, они подошли к портрету Императора.

– У тебя же есть портрет, где вы изображены вместе, – начал разговор мой товарищ, – и по-моему, тебе личным указом Его Императорского Величества разрешено его вешать там, где пожелаешь. Ведь так?

– Те, кому подобное разрешено, никогда такого не делают. Такие указы – лишь оказанная мне почесть. Своего рода признание заслуг, о которых никто, кроме очень узкого круга лиц, не знает. Да это мне и не нужно.

– Он становится все сильнее, я чувствую это на каждом его выступлении. Разумеется, когда выступает он, а не его двойники.

– Если все пойдет такими темпами, то скоро и двойников не останется, – с грустью в голосе сказал Хозяин, на время снова ставший Учеником. – За прошлый год двоих убрали. Не от хорошей жизни я это стекло поставил. Причем раньше старались просто устранить физически, очень примитивно. С этим личная гвардия справляется легко. А теперь бьют по всем фронтам, не успеваем защиты ставить.

– А почему вы сами их же оружием не пользуетесь?

– Ты же знаешь: такие, как мы с тобой, не только на нашей земле рождаются. Мы от них защиты ставим, они – от нас. Тем более, у них далеко не все завязано на одном человеке. Выкрутишь из системы один винтик, а они тут же найдут ему замену. А у нас все на нем держится, вот и оберегаем, как можем. В этом заключена как наша сила, так и наша слабость.

– Замкнутый круг получается, лучше бы вместе эти феномены изучали, чем их силу друг на друга направлять. Давно бы тогда всю их природу выяснили, – сказал мой друг. – А так получается, что с огнем играете. Мы ведь неоднократно бывали по ту сторону привычного бытия. Но даже примерно не осознали всей сложности мироздания. А вы в нем как у себя дома хозяйничать пытаетесь ради сиюминутной выгоды. Кто знает, каким образом вам это вернется.

– Не все так просто, Учитель. По некоторым направлениям мы сотрудничаем, а по некоторым никогда не будем. Мой коллега из МИДа иногда такие интересные вещи рассказывает. У него доступ к разведанным повыше моего. Так вот, мы вроде для всего мира партнеры, уважающие друг друга. Говорим о том, что надо совместными усилиями все решать, что ни у кого и в мыслях ничего плохого нет, а на самом деле...

– Я не хочу знать то, чего мне знать не положено, – прервав увлекшегося министра, заявил мой товарищ.

– А я специально тебе это говорю, чтобы ты наконец-то понял – твое место здесь, среди нас. Только тут ты найдешь себя, а то растрачиваешь свой талант по мелочам.

– Не начинай, я не за тем пришел, чтобы мы снова поругались. А разговоры на эту тему всегда заканчиваются одинаково.

– Ну, как скажешь, – с досадой в голосе произнес Хозяин, помимо основной должности, еще и возглавлявший ведомство, о котором знал далеко не каждый. – Но имей в виду, что мы всегда рады тебя видеть в своей команде.

– Мы? У тебя мания величия или кто-то еще меня хочет видеть на такой ответственной работе?

– Ты знаешь, кто, – взгляд Хозяина снова перешел на портрет, будто следящий за всеми присутствующими. – Он часто о тебе спрашивает. Интересуется, не передумал ли ты.

– Интересно, а что ты ему на это отвечаешь?

– Что всему свое время, и торопить его не следует.

– Я был уверен, что он про меня забыл.

– Император никогда ничего не забывает. Не устаю поражаться его уникальности. Он чувствует твою силу. И она ему нужна.

– Я исследователь, мне моя сила интересна только с позиции ее изучения. Остальное пусть пробуют ребята из твоего министерства. Честно говоря, думал, тебя уже повесили. А оказывается, у какого-то коллеги из МИДа допуск к государственной тайне выше, чем у тебя. Да и что это за коллега, который имперские секреты нижестоящим по должности выдает? Донеси на него, пусть трибунал его судит. Не полностью оправдываешь ты ожиданий, на тебя возложенных, мой юный Ученик, – пытаюсь разрядить обстановку, пошутил мой друг.

– Начнем с того, Учитель, что каждый должен быть на своем месте, – улыбнувшись, продолжил Хозяин. – Ведь владеет всеми секретами в нашем государстве только один человек, – при этих словах он снова взглянул на огромный портрет, – в этом и есть его сила. Зато, если бы у министра иностранных дел была информация о наших знаниях и экспериментах, он бы тут же поседел и вышел на пенсию. Да и секретов он никаких мне не выдавал; ты же знаешь, что мне достаточно пожать человеку руку и взглянуть ему пристально в глаза, и после этого не только государственные тайны, но и все самые личные переживания открываются для меня

как книга. А потом я просто смотрю, какие картинки у него в голове, и сопоставляю. Так что иногда предпочитаю вовсе не здороваться с людьми, чтобы не разочаровываться, – после этих слов глаза его налились грустью. – Да что я тебе это рассказываю, ты и сам это все умеешь и знаешь.

– А Император с тобой как здоровается? В перчатках, или снимает? – с интересом спросил мой друг.

– В нем столько мощи, что это мне надо перчатку надевать, иначе увидит, как надо мной дети в школе издевались из-за моих странностей.

– Учитывая, сколько в нем силы, мы не знаем, каким странным в детстве был он сам и как издевались над ним его ровесники. Да и, в конце концов, он такой же человек, как мы с тобой. У всех свои тайны и свои слабости. Но, несмотря на это, каждый может стать выдающейся Фигурой на шахматной доске мировой истории. Надо только оказаться в нужном месте и в нужное время. А скорее всего, просто жить так, чтобы кто-то наверху решил помочь тебе и отправил в определенный час в некую географическую точку. Неспроста же произошла наша с тобой встреча. И пожалуйста, как минимум две жизни пошли по интересному пути.

При этих словах я улыбнулся, ведь все в этой комнате знали, что их встреча изменила если не миллионы, то, как минимум, тысячи жизней. Начиная с вылеченных ими обоими людьми и заканчивая принятием некоторых очень значимых государственных решений. Возможно, эта встреча измени-

ла в каком-то смысле весь мир. В комнате это осознавали все присутствующие, но никто не мог понять, кем именно она была устроена? Кто записал ее сценарий в матрицу судьбы каждого из нас, в том числе и в мою? И это коренным образом отличало наших двух собеседников. Один посчитал, что найти ответ на этот вопрос невозможно, и решил посвятить себя чему-то, что считал более практичным и нужным людям. А другой не смог остановиться. Он отказался от своих личных амбиций, отказался от всеобщего признания и уважения. Он сконцентрировал себя на познании тайны Создателя. Но чем больше он искал ответа на этот вопрос, тем больше возникало других, еще более загадочных и непонятных. И случилось то, чего я так боялся – он перегорел. Как будто что-то внутри него надломилось. Тот, кто вел его всю жизнь, тот, чье влияние он так часто на себе ощущал, будто бы его покинул. Я сейчас говорю не о себе. Кто-то, кто выше нас обоих. Кто-то, чье имя в некоторых религиях нельзя произносить. Именно поэтому он и пошел в опостылевшее ему здание. Пошел, чтобы просить. А просить он не любил. Да и вряд ли стал бы, если б сейчас перед ним сидел кто-то другой, а не Ученик, которому он помог в прошлом дать выход душившей его энергии. Помог найти в этой жизни свое предназначение.

– Мы немного отвлеклись, – прервав многозначительное молчание, сказал Хозяин. – Ты не сказал, что конкретно тебя сюда привело. Учитывая тот факт, что работать со мной ты

не хочешь, а руководство каким-нибудь институтом – дело не твоего уровня, то в чем причина визита? Я, конечно, могу читать мысли, но в твою голову мне не проникнуть.

– А ты пытался. Несколько раз. Когда я поднимался на лифте, я тебя чувствовал. И даже раньше, когда мы вместе работали.

– Это был скорее научный эксперимент. Но твой разум мне не по зубам. У некоторых в моем управлении было желание изучать тебя против твоей воли. Хотя это не удивительно, особенно после того, с каким скандалом ты ушел и отказался сотрудничать.

– Как по мне, так лучше я буду преподавать и ездить в научные экспедиции, чем проводить время в твоем коллективе, – раздраженно ответил мой друг. – Понимаю, что на тебе сейчас вся официальная наука, оборонная промышленность и космос, но приоритет всегда отдается моему бывшему отделу. А там сейчас никаких моральных принципов. Все оправдываются высокими словами о государственной безопасности, а о безопасности души никому нет дела. Изучая тонкие материи, нужно в первую очередь осознавать свою ничтожность перед Вселенной. А твои люди считают себя венцом эволюции, как будто им все дозволено.

– Теперь уже я попрошу тебя не начинать, иначе точно поругаемся, а я сегодня хочу расстаться с тобой как раньше, друзьями. Мой коллектив, конечно, не идеален, но если бы мы не ставили те опыты, которые ты называл безответствен-

ными, то сейчас так бы и топтались на одном месте. А наверху просят результат. Тем более в такой сложной обстановке. Не мы начали эту войну, но и проигрывать в ней мы не собираемся.

– Ты прав, давай на этом закончим спор. Все равно каждый останется при своем мнении. Лучше перейдем к моей просьбе.

– Должно быть, тебя сильно припекло, раз ты пришел с просьбой, – с язвительной улыбкой произнес Хозяин.

– Просто вы меня зажали в узкое пространство, мне его мало.

– Кажется, я понял, о чем ты. Для этого не надо обладать особым даром.

– Сделай мне «Визу».

– Ты имеешь в виду «Визу» на выезд за пределы Империи и Содружества Мирового Единения?

– Ты поразительно догадлив, ведь для поездок по вашему содружеству никакая «Виза» для меня не требуется.

– Начнем с того, что это не «наше», а «общее» содружество. Ведь кто знает, что бы могло произойти, если бы мы его не создали.

– Ты не на публичном выступлении, можешь говорить своими словами, – ехидно улыбнувшись, сказал мой товарищ.

– Так это и есть мои слова. Мне иногда кажется, что тебе не важно мнение большинства, твое всегда будет противопо-

положным. Быть в оппозиции к основной массе – твое призвание. Мы еще никогда не дышали так свободно, как сейчас. Мы еще никогда не допускали такого инакомыслия, как сейчас. Да, мы не скрываем, что у нас в Империи довольно жесткие порядки, но зато мы не даем людям ту ложную иллюзию полной свободы, как они. Там тебе дадут выбрать между правой и левой рукой, но при этом не покажут, что обеими руками управляет одна голова.

– Да я с этим и не спорю. Почему ты всегда думаешь, что мне там нравится? Мы же часто летали туда вместе, и смею тебе напомнить, уважаемый Хозяин, что в тех поездках как раз я говорил тебе то, что ты сейчас пересказываешь мне. И ты действительно прав, я всегда буду в оппозиции к тебе и к твоему Императору, но не потому, что я мечтаю о том, чтобы вас сменили некие аморфные «добрые борцы за справедливость», которые дадут людям столько свободы, сколько те смогут унести. Ни в коем случае!!! Я всегда буду к вам в оппозиции для того, чтобы вы не заигрались. Чтобы помнили о том, что в первую очередь вы обычные люди, такие же, как те, что ходят сейчас по тротуару вдоль Невы. Как те, что прокладывают железную дорогу в сибирской глуши. Все мы смертны. А твой Император, похоже, решил жить вечно, раз у вас до сих пор не выработан план преемственности власти. Или бесчисленные портреты, развешанные везде по стране, займут его трон, в случае, если когда-то нашим заокеанским партнерам повезет и вместо двойника они уберут его само-

го? Задай этот вопрос от меня, когда вы встретитесь в следующий раз.

Надо было как-то разрядить обстановку, иначе споры в очередной раз могли привести к многолетнему взаимному молчанию. И я решил напомнить моему другу о своем существовании. Складывалось впечатление, что он про меня совсем забыл.

– Контролируй свои эмоции, – сказал ему я. – Просто остановись, и оба возьмите паузу, чтобы отпустить весь негатив, который вас опустошает. Если нам не удастся уехать, то потом может быть уже поздно. Твоя тоска опустошает не только тебя. Ты же сам говорил, что всю жизнь шел к пониманию своего места в этом мире. Но, тем не менее, эта самая жизнь промелькнула за поисками чего-то непознанного. Безусловно, это было крайне любопытно, но нам необходимо двигаться дальше. В старости будешь сильно жалеть, если сейчас не засунешь принципы куда-нибудь поглубже и не пойдешь на компромисс. Такие баталии нужно вести со своими соперниками, а он твой друг. И пусть вы оба упертые и не любите уступать, ближе него в этом городе у тебя точно никого не появилось.

Услышав меня, он замолчал, набрал полную грудь воздуха, неспешно выдохнул и закрыл глаза. Его собеседник, будто бы тоже уловив смысл моих слов, сделал то же самое. Через некоторое время покорный Ученик снова занял место властного Хозяина. Именно он первым прервал молчание,

не открывая глаз.

– Зачем тебе ехать в Объединенное Американское Содружество?

– Ты, должно быть, совсем заработался, если думаешь, что я хочу убежать туда жить, – точно так же, не открывая глаз, ответил мой товарищ.

– Ты слишком много знаешь, а им это хорошо известно. Они могут попытаться уговорить тебя там остаться. Сразу же начнут давить на твое тщеславие. Напомнят все нанесенные нами обиды. Дадут тебе институт, деньги, доступ к своим исследованиям. Словом, все, что ты попросишь. А в довесок к этому еще в три раза больше, только бы получить согласие.

– Если они мне покажут результаты своей работы в этом направлении, то назад уже не отпустят. А долго я там находиться не смогу, и ты это знаешь.

– Знаю. Я в тебе уверен. Но если что-то пойдет не так – крайним останусь я. А многие мечтают о том, чтобы я оступился. Сам знаешь – незаменимых людей нет. Мне придется поручиться за тебя.

– Я же в свое время за тебя поручился, и не жалею об этом. Тебе повезло, ты в этом нашел свое призвание, в отличие от меня. Пора возвращать долги. Если бы я хотел сбежать, то сделал бы это давным-давно.

Они оба одновременно открыли глаза и пристально вглядывались друг в друга. Наконец, Ученик произнес:

– Оставь мне свой паспорт. Я все устрою. Вечером я уез-

жаю на несколько дней в Москву, поэтому завтра зайди в приемную в любое время, мама отдаст тебе документы.

– Я знал, что могу рассчитывать на тебя. Спасибо.

На этом разговор был окончен. Это было вполне в стиле их обоих, так неожиданно прекращать беседу. Мы встали и пошли к выходу. На полпути к двери я напомнил, что мы даже не попрощались. Мой друг остановился, оглянулся и неожиданно сказал:

– Чуть не забыл, я всегда хотел спросить: а правда ли то, что у Императора с самого начала было много таких советников, как мы с тобой? И то, что переворот получился таким «Тихим» именно благодаря их помощи? Или это он один такой сильный проводник, что смог все столь точно просчитать и устроить?

– У тебя очень интересный способ прощаться, мой друг. На самом деле правда, как всегда, где-то посередине. Даже мне он об этом не расскажет. Какие-то сведения всегда должны оставаться в памяти только одного человека. Иначе будущим историкам не над чем будет работать.

– Счастливой командировки в Москву, или куда ты там на самом деле едешь.

– И тебе счастливой поездки. Не забудь привезти сувенир из свободного мира, – съязвил вернувшийся на свое место Хозяин.

На этих словах мы уже подошли к двери, но он нас окликнул через весь кабинет.

– Чуть не забыл, я всегда хотел спросить, а правда ли, что рядом с тобой всегда кто-то есть? Раньше я его просто чувствовал, а сегодня впервые услышал.

Для меня это был, мягко говоря, очень неожиданный вопрос, но тот, кому он был адресован, не растерялся.

– Если свободный мир меня не соблазнит, то я вернусь и обязательно тебе отвечу, – не оборачиваясь, ответил мой товарищ, и, выйдя из массивной деревянной двери, мы оба вернулись в приемную.

Там уже накопилась очередь из желающих попасть на прием к тому, кто видел все помыслы, уловив только взгляд, но для большей уверенности лично пожимал руку каждому. Бедные люди, подумал я, в этой игре они заведомо в роли проигравших. А сколько еще в мире подобных игр, о которых никто из нас даже не догадывается. Переглянувшись с матерью Хозяина, мы вышли в фойе и остановились возле лифта.

– Как думаешь, – спросил он меня, – наш Ученик нуждается что-то взамен? А вернее, что именно он попросит в виде ответной услуги?

– Что-то, что поможет ему встать по правую руку Его Императорского Величества. Ведь мы оба знаем, что он хочет быть на самом верху, когда Сила покинет самого главного Хозяина в Империи. Пусть это и случится еще очень нескоро. Но он помогает тебе не поэтому. Как бы ты к нему ни относился, он хороший человек, и помыслы его чисты. А дар,

который ты в нем открыл, это скорее проклятье для него, раз он до сих пор считает, что ты совершил величайшую глупость в своей жизни, отказавшись от поста первого заместителя министра просвещения, порекомендовав на эту должность его.

– Он знает о тебе, – спокойным тоном произнес мой товарищ.

– Ты знаешь обо мне гораздо больше. Не тревожься по этому поводу, ведь я каким-то образом выбрал тебя, а не его.

На этих словах из приемной вышла женщина, которую мы ждали на разговор.

– Я очень рада, что вы так мирно беседовали, вас даже не было слышно, – сказала она, подходя к нам.

– Просто мы научились спорить на мысленном уровне, – улыбнувшись, ответил мой друг. – Поверьте, на нем все ощущается гораздо эмоциональнее.

– В любом случае, такие споры мне нравятся гораздо больше, – с такой же улыбкой ответила она. – Мой сын сказал, что утром мне завезут твои документы, и ты зайдешь за ними в течение дня.

– Надеюсь, так и будет, ваш сын всегда держит свое слово.

– Я бы хотела поговорить с тобой, но не в такой беспокойной обстановке. Может, лучше зайдешь завтра к нам? Его все равно в городе не будет, поэтому я для приличия отмечусь на работе и еще до обеда буду ждать тебя дома. Договорились?

– Вам я никогда не умел отказывать. Тогда до завтра.

Сказав это, он попрощался, и уже несколько минут спустя мы шли по набережной в сторону нашей квартиры.

– Как думаешь, зачем она хочет встретиться? – спросил он меня.

– Она беспокоится за сына, хоть и пытается это скрыть. Как в тот день, когда мы впервые увидели ее. Он чего-то не договаривает, а его спокойствие – это лишь маска.

– Надо сказать, что лет семь назад я мог легко выявить, когда он настоящий, а когда играет на публику и прячет искренние эмоции.

– А чего ты хочешь, его работа в этом и заключается. Никому нельзя показывать свои истинные мысли. Это называется политикой.

– Потому я и не захотел втягивать нас обоих в это болото.

– Мудрое решение.

Мы зашли домой, и он, быстро раздевшись, лег в кровать. Надо было поспать несколько часов, прежде чем всю ночь работать над незавершенными делами, чтобы можно было спокойно уезжать. А еще нам предстояло выстроить приблизительный план нашей поездки. Ведь именно ночью, когда все люди спят, ему было легче всего отстраняться от посторонних шумов. От чужих мыслей, которые он мог слышать, даже сам того не желая. В предвкушении нового опыта его мозг пробудился от спячки. Именно к этому я и подталкивал его последние годы. Мой план начал работать.

Глава 4

Гиперпоезд до столицы отправлялся с вокзала каждый вечер. У меня было в запасе еще несколько часов на сборы, но в принципе мне хватило бы и трех минут. Я понимал, что, скорее всего, никогда не вернусь сюда, поэтому по логике мне надо было забирать с собой все свои пожитки. Но проблема была в том, что из вещей у меня была только парадная форма, увешанная орденами и медалями, наградное оружие да мои документы. Немного я скопил за свою жизнь, но большинство не могло похвастаться и этим. Учитывая, что рюкзак был собран, а времени оставалось еще очень много, мы с моим спутником решили зайти попрощаться к тому, кто скрашивал наше пребывание в этом месте уже не первый год. Взяв свой вещмешок, мы дошли до неприметного дома на окраине города. Дорогу туда я мог бы пройти с закрытыми глазами.

– Как ты думаешь, – спросил я своего молчаливого друга, прежде чем зайти в дверь, – зачем он это делает? Кому в такое время нужен его музей? Сколько я помню, сюда почти никто никогда не заходил. Мне казалось, что если он увидит всю бесперспективность данной затеи, ему придется опустить руки и смириться.

– Давай зайдем и спросим его, – последовал простой ответ. – Мое мнение заключается в том, что это помогает ему

дышать полной грудью и служит целью для продолжения существования. Сам знаешь, как труден его путь. Забери этот смысл жизни, и через год его не станет по вполне естественным причинам. Без мотивации все живое запрограммировано на скорый конец. А так он верит в то, что рано или поздно наступят светлые времена. Человечество как биологический вид приспособляется ко всему. Пусть его уже не будет в живых, но работа, которую ты считаешь бессмысленной, может впоследствии показать дорогу в нужном направлении для нового поколения. Давай уже войдем внутрь. Хочу пройтись по этому месту в последний раз.

Дверь, как всегда, была открыта; в кресле зрителя сидел пожилой чернокожий мужчина в темных очках, который, как всегда, был одет в африканский костюм. Услышав звук скрипучих петель, он повернул взгляд в нашу сторону.

– Заходи, мой друг, – он встал из-за стола и направился к нам, безошибочно узнав меня по каким-то, до сих пор непонятным мне признакам. – Давно тебя не было. Надеюсь, ничего скверного не случилось?

– Духи оберегают меня, – пожимая протянутую руку, ответил я. – Не знаю, что такого хорошего ты им постоянно про меня говоришь, но несколько раз они от меня пули отводили.

– Посмотри на эту ситуацию с другой стороны. Возможно, я говорю им, насколько ты ужасный человек, и они оберегают тебя до последнего, лишь бы ты не пришел в их мир в

виде призрака и не установил там свои порядки.

В отличие от начальника местной полиции, у этого человека чувство юмора было очень утонченным, скорее даже философским. И вообще, он всегда представлялся мне особенным. Приехал в наш университет из Африки еще до войны, подписав контракт на два года. Что-то вроде программы культурного обмена между континентами. В итоге он настолько увлекся этим обменом, что на сдачу получил жену и троих детей. Я ходил к нему на лекции по философии, хотя это было вовсе не обязательно. Ведь в изучении космоса, к которому меня тянуло с рождения, это помогало слабо. Но к нему ходили все, настолько интересно он мог часами говорить на любую тему. В юности эта наука казалась мне бессмысленной, но как же сильно я ошибался. Подобные ему преподаватели занимались самым главным – передавали свой жизненный опыт нам, молодым, горячим и наивным. Архитектура души гораздо важнее любой точной науки. А его талант заключался в том, что в долгих, а порой и агрессивных спорах со студентами, ему удавалось посеять в наших головах определенные идеи и мысли, которые прорастали в сознании годами. Но в итоге все они оформились в то, что называется характером. Далеко не все выпускники университета вышли оттуда хорошими специалистами, но большинство из них стало просто хорошими людьми. И в этом как раз его заслуга.

Но сейчас такие, как он, оказались не у дел, и все, что

ему остается – это следить за порядком в своем музее, где представлена история всех континентов. Надо отдать должное – несмотря на свою слепоту, порядок он поддерживает идеальный. Как он сам рассказывал, карта этого здания за многие годы отпечаталась в его голове настолько, что он на спор мог сказать, где что находится и какой экспонат стоит в четвертом зале на третьей полке слева от входа. К сожалению, этот музей, мягко говоря, не пользовался популярностью у местного населения. Его уже давно бы разграбили, если бы я не попросил местные власти объявить данную территорию муниципальной собственностью, за порчу которой при правильно составленном обвинении можно было лишиться головы.

К слову, я приложил руку не только к сохранности этого места, но еще и к его наполнению. По всему континенту мы собирали экспонаты, которые впоследствии должны были украсить своим присутствием центральный столичный музей послевоенной истории. Вернее, собирал их я с моим невидимым спутником, а наш незрячий друг лишь указывал нам путь, получая согласования в только что созданном комитете по восстановлению утраченного наследия. Уже потом я понял, что это было верным тактическим ходом новой администрации. Пока идет новый передел власти на континенте – отправить подальше всех, кто мог оказать хоть какое-то влияние на армию. А я наивно полагал, что их заботит судьба будущих поколений. Когда до меня дошло, что от них

не дожидаться ничего, кроме слов, момент уже был упущен. Конгломерат обосновался в Австралии навсегда. Инквизиция укрепилась окончательно. Очаги сопротивления были подавлены, а оставшиеся недовольными группы ретировались на северные пустоши. Призрачная надежда на то, что правительство исполнит обещанное нам, еще какое-то время не угасала. Но оно было занято чем угодно, только не поддержкой культурного наследия. А со временем таким своим нравным людям, как я, стало и вовсе небезопасно жить на глазах у новой власти, поэтому мы и приняли решение забраться подальше от столицы. А все, что удалось собрать за долгие месяцы поисков, было решено взять с собой. Так и появилось это место в сердце пустыни, никому не нужное, кроме его хранителя.

Мой спутник, казалось, любил ходить сюда гораздо больше меня. И его интересовали не столько разговоры с моим пожилым ментором, сколько созерцание всего многообразия выставленных в этом месте ценностей, собранных со всех концов страны. А точнее, из всех разрушенных во время войны музеев. Он вообще последнее время очень странно себя вел, словно догадывался о чем-то, но боялся сказать вслух. Он рядом уже столько лет, а мне все еще кажется, что я ничего не знаю о его душе. А она, несомненно, в нем есть, да еще какая. Мне повезло, что он оказался рядом. Хотя я даже примерно не могу сказать, кто он и откуда пришел в наш мир. Да и он сам, если, конечно, говорит правду, не понимает

своей природы и своего предназначения. Именно это и гнетет его... Вначале мой невидимый друг думал, что со временем сможет ответить на все вопросы, но время шло, а ответы так и не приходили. Скорее даже наоборот – появлялись лишь новые вопросы. И с годами смысл жизни стал ускользать от него. Он начал отдаляться от меня. И я не осуждаю такое поведение: появиться из ниоткуда в незнакомом месте, да еще и не иметь возможности разговаривать ни с кем, кроме одного человека, не осознавая своей природы и своего места во Вселенной. Даже не знаю, что бы я сам при этом ощущал... В любом случае, эта загадка интересна не только ему самому, ведь почему-то только я могу с ним беседовать и слушать ответы, а мне, как ученому, такое кажется крайне любопытным. Почему именно я? И кто определил, что именно я буду удостоен чести общаться с ним? Как бы то ни было, то путешествие, в которое я наконец-то решился отправиться, должно либо приподнять завесу тайны, либо прекратить наши мучения в этом мире. А учитывая, что второй вариант мне казался наиболее вероятным, я не мог не попрощаться со своим другом и учителем.

– Что привело тебя в мою тихую гавань? – спросил смотритель музея, возвращаясь на свое место.

– Решил попрощаться перед отъездом.

– Ты уезжаешь? Надолго?

– Возможно, навсегда, – с грустью ответил я.

– И духов какого континента мне теперь придется задаб-

ривать, чтобы они тебя оберегали?

– Либо духов Большой Земли, либо духов, обитающих в подвале Инквизиции. В последнем варианте мне это будет уже не особо нужно.

– Собрался в главное путешествие своей жизни? – с загадочной улыбкой он посмотрел в мою сторону. – Я давно ждал этого дня, но торопить тебя не хотел. Надо самому прийти к такому мудрому решению. Иначе растратишь свой потенциал понапрасну. Человек без цели долго жить не может, начинает сам себя съедать изнутри, и в итоге остается лишь холмик на кладбище либо урна с пеплом. Особенно такой, как ты, в чьей душе горит огонь, зажженный Богом. Если не дашь выхода этому пламени – сгоришь. Во время службы в армии выплеск энергии был очень сильным, поэтому все годы после нее ты восстанавливался, а теперь она снова бьет ключом из твоего источника и подталкивает тебя к поискам.

– К поискам чего, по-твоему, она меня подталкивает? – изумленно спросил я. – И почему ты решил, что эта поездка станет главной в моей жизни?

– Все дороги ведут к осознанию самого себя, к осознанию своей судьбы. Война внесла свои коррективы в жизнь каждого из нас, и только сейчас все понемногу начинает исправляться. Вот и тебя твой Ангел-Хранитель пытается вывести на дорогу, с которой ты, из-за непреодолимых обстоятельств, был вынужден сойти. Знаешь, многие люди всю жизнь ищут свое предназначение в этом мире. Некоторым

везет практически сразу, а вот некоторым никогда не суждено этого понять. Это карма, наследие прошлых жизней. Мои предки тысячелетиями были колдунами в нашем племени. И меня до сих пор преследуют их голоса, доносящиеся из глубины веков. Это отпечатано в моем генетическом коде. С детства я пытался отказаться от подобных суеверий, но весь мой жизненный путь тесно сплетен с невидимым нами непознанным миром. Я специально заставлял себя быть человеком науки. Пытался все логично анализировать, хотел, чтобы это обошло меня стороной. Но от судьбы не убежишь. Кто мог подумать, что единственная бомба, которая упадет на город в первый же день войны, выберет целью именно мой дом? И в один момент я потеряю все, чем дорожил...

– Я не хотел, чтобы из-за меня ты снова переживал те ужасные эмоции. Поверь, если бы я знал, что ты сведешь разговор к тем воспоминаниям, то не пришел бы. Прости меня.

– Да что ты, мой друг, – улыбнувшись, ответил хранитель музея, – в этом нет твоей вины. Наоборот, только близкому человеку я могу рассказать то, что наболело. Да и, кроме тебя, сюда почти никто не заходит. Хотя положительная динамика все же есть. За прошлый месяц мою скромную обитель знаний посетили двадцать четыре человека. Люди проявляют интерес к своему прошлому. Значит, мои усилия не потрачены напрасно. Возможно, я даже смогу передать хотя бы часть своего опыта кому-то еще.

– К сожалению, местные бары могут похвастаться такой

проходимостью за час. Люди, в своем большинстве, всегда выбирают самый простой путь, – с грустью сказал я. – Лишь немногие находят в себе силы плыть против течения. Раньше никто не задумывался об этом. И в итоге мы не выдержали уготованных нам испытаний, раз все ценности того мира столь быстро оказались забыты.

– У каждого своя дорога. Возможно, один из этих двадцати четырех человек, вдохновившись беседой со мной, изменит наш мир. А я верю в то, что рано или поздно это случится.

– Наш мир уже изменили, не спросив нас об этом. Так изменили, что без слез смотреть невозможно. А что будет, когда уйдет твое и тем более мое поколение? Когда не останется человека, который помнил бы те времена не по рассказам своих бабушек, а ощущал их на себе? Тогда для людей то, что творится сейчас, будет являться нормальным существованием. Никому и в голову не придет что-то менять.

– Как раз потому я и вкладываю всего себя в свое дело, мой друг. Чтобы, когда от нас с тобой ничего не останется, часть наших воспоминаний сохранилась в этих стенах и на этих полках. Возможно, именно для этого Создатель так жестко меня испытывал, ведь как еще можно понять чужую боль, не пропустив ее через себя?

– И ты даже не испытываешь к такому Создателю ненависти после того, что он с тобой сделал? Меня это всегда в тебе удивляло. Ты единственный из людей, кого я знаю, кто ни-

когда не жаловался на то, что произошло. Твои речи, которые ты мощным потоком изливал на огромные аудитории, не разошлись с делами, которые ты делал после того, что случилось со всем миром. Я помню наших преподавателей, говоривших о совести и чести на уроках этики, но при этом забывших о своих словах, когда вопрос встал о выживании. Но ты не из их числа. Ты – Человек, доказавший, что не все мы животные. Что нам дано право выбора, в отличие от них.

– Мой друг, ты знаешь, как побаловать старика, – расплывшись в широкой улыбке, сказал мой собеседник. – Сладкая патока из твоих уст, как всегда, поднимает мне настроение. Но мы оба знаем, что таких Людей гораздо больше, чем кажется на первый взгляд. Они просто стараются не показывать это, а некоторые, к сожалению, просто боятся. Сейчас такое время, что человечность многие воспринимают как слабость. Хотя так было и раньше, просто сейчас все негативное в каждом из нас проявляется в более жестких формах. А ненависти к Создателю у меня нет. Он меня подтолкнул к моему предназначению. Ты же помнишь, что после госпиталя, когда я понял, что никогда не смогу видеть, и когда мне сказали, что я единственный, кто выжил в доме, утешением мне были только две вещи. Первым было то, что мой старший сын в этот момент находился в другом месте, а вторым – что помимо философии, я знаю еще некоторые секреты непознанной стороны мира. В моей семье было заведено передавать священные знания наших предков-колду-

нов. Уже мой дед относился к этому скорее как к доброй традиции и не вкладывал в нее никакого смысла, за исключением того, чтобы мы не забывали своих корней. Но при этом он все передавал в той последовательности и в полном объеме, в котором это делали до него. И знаешь, в тот горький момент утраты я почувствовал, что эти ритуалы полны огромной силы. Я начал практиковать их, начал часто ездить к местным аборигенам, которые помогли мне раскрыть весь потенциал моего древнего рода и добавили в мою голову свое знание и понимание нашего мира. Они приняли меня как брата, хотя нас разделяла пропасть в несколько веков. Ведь они жили так, как жили их предки тысячи лет назад, а я – дитя цивилизации. Но законы жизни не изменялись, не обращая никакого внимания на всю нашу «цивилизованность». Так вот, раскрыв свой потенциал, я связался с ними. С моими девочками. Ты можешь считать меня стариком, который сошел с ума от горя, но это правда. Там, после смерти, нас что-то ждет. Я не могу объяснить, что именно, но там есть некая сила. И когда-нибудь наука поймет всю природу этих явлений, разгадает тайну, доставшуюся нам от самого Творца. Я не говорил тебе об этом раньше, потому что данный опыт предназначен лишь для меня. Просто мы можем больше не увидеться, а я хочу, чтобы ты знал: всю боль, которую мы переживаем в своей жизни, компенсирует тот бесконечный путь, уготованный нашим душам.

На его глазах выступили слезы, но это были слезы и пе-

чали, и радости. Он улыбался, и в этой улыбке была вся его жизнь, весь его опыт. Он научился одинаково благодарно принимать от судьбы как добро, так и зло. И не всегда человеку под силу различить, что именно является хорошим, а что плохим. Ведь без одного не было бы и другого. Он это понял, возблагодарил Бога за свой тернистый путь и смиренно ждал того, что еще ему уготовано.

– Нет новостей о твоём сыне? – спросил я, пытаясь повернуть беседу в другое русло.

– Я больше не отправлял запросов в совет ветеранов, все равно они уже мне не отвечают. Но я чувствую его в этом мире. И девочки сказали, что там его нет. Иногда во сне я пытаюсь с ним связаться, но он еще слаб в изучении знаний моих предков. А возможно, даже и не пробует пробудить в себе то, что я ему передал, ведь это выглядело скорее как шутивая традиция, чем непознанная правда.

– Я уверен, что если он жив, то вы обязательно встретитесь.

– Мы с ним встретимся в любом случае, даже если наши жизни оборвутся, – утерев слезы, сказал мой духовный наставник. Он встал и уверенной походкой, обходя все углы, прошел в свою комнату. – Перед дорогой я хочу выпить с тобой травяной отвар. Он придаст тебе душевных сил и спокойствия, – донесся оттуда его голос. – А пока можешь напоследок пройтись по галереям и вспомнить, каких усилий нам стоило собрать все это в одном месте.

Тем временем мой спутник, слушавший наш разговор, при этом осматривая столь любимый им музей, решил напомнить о своем существовании.

– Скажи, чтобы он не пугался того, что они все реже и реже приходят к нему. Это нормально. Они его не покидают, пусть не боится этого. Просто в том мире свои законы, и чем больше он успокаивается, тем легче им. Ему не надо винить себя за то, что он думает о них не с такой сильной болью, которая была раньше. Его раны затянулись уже давно, теперь пришла пора реже вглядываться в свои шрамы. Он делает доброе и правильное дело, они мне сказали, что ему еще многое уготовано в этой жизни.

– Они? – переспросил я шепотом, подходя к нему в соседний зал. – Ты общаешься с его семьей? Я думал, он просто начал понемногу сходить с ума.

– По такой логике ты уже давно неизлечимо болен шизофренией в терминальной стадии, – засмеявшись, сказал он. – Вдумайся в свои слова. Тебе кажется, что старик, разговаривающий во сне со своей погибшей женой и двумя дочерьми, сошел с ума. Но при этом ты уже много лет сам разговариваешь с невидимым для остальных мужчиной, которого считаешь то своим даром, то проклятием.

– Да я и не отрицаю, что в каком-то смысле я психически нездоровый человек. Я много читал про это в свое время. У меня просто раздвоение сознания: ты – в моей голове, тебя не существует. Я не верю в потусторонний мир с призрака-

ми, не верю в его ритуалы, не верю, что где-то есть некий Высший Разум, который допустил то, что произошло с нашей планетой. Мы развиваемся согласно объективным законам мироздания. На планете накопилась критическая масса ненасытных паразитов – и она сбросила их с себя как пушинку. Точнее, мы сами себя отбросили назад, и еще не известно, восстановимся ли мы вообще. Не удивлюсь, если в наш мозг просто заложена программа самоуничтожения. Мы своими же руками регулируем природный баланс. Через тридцать лет не останется и следа от Большой Войны. А через триста о ней и вовсе могут забыть. Возможно, мы уже не первые, кто проходит по спирали мироздания. Со временем и твоя природа будет объяснена. Поймут причину, почему у тебя свое мнение, зачастую отличающееся от моего. Поймут даже то, каким образом ты можешь отдаляться от меня, а потом описывать в подробностях те места, которые я никогда не видел. Мозг настолько сложен и не изучен, что я уже ничему не удивлюсь. Но до сегодняшнего дня ты никогда не говорил ни о чем мистическом, а сейчас заявляешь, что общаешься с его погибшей семьей?

– Даже если ты прав и я часть твоего сознания, то это как раз все объясняет. Я – твоя темная сторона. Твоя противоположность. Ты – ученый, и не веришь в необъяснимое, а я как раз и являюсь тем необъяснимым. Ты не можешь доказать некоторые вещи с научной точки зрения, но тут появляюсь я и делаю эту грязную работу за тебя, выдвигая странные

теории, в которые искренне верю. Я просто помогаю тебе не сойти с ума, когда ты не можешь найти ответ на какой-нибудь из мучающих тебя вопросов. Но на самом деле все гораздо сложнее. Я сам не знаю, в чем именно мое предназначение и кто я такой. Может быть, я и правда часть тебя, а возможно, я какая-то новая, доселе невиданная, информационная форма жизни? Отчасти это может объяснить то, что у меня своя память и свое мнение, а также то, что я могу видеть вещи, находящиеся за пределом твоего физического зрения. Не забывай, что ты был рожден, чтобы изменить мир. Ты – продукт большого генетического эксперимента, который просто не успел дать результатов из-за проблем, которые обрушились на человечество. Возможно, что когда-нибудь люди поймут и мою природу. А в данный момент я знаю лишь то, что его семья сейчас находится в этом мире, но в другом, непривычном для нас состоянии. И я могу каким-то образом улавливать их колебания. Так вот, они меня просят сказать ему через тебя, что он движется в правильном направлении и что ему не надо винить себя за то, что его боль с годами притупляется. Пусть не считает это предательством памяти своих близких. Для них жизнь продолжается так же, как и для него, разница лишь в том, что она приняла другую форму. Просто повтори ему это.

– И как я, по-твоему, это скажу? Что мой воображаемый друг хочет передать ему сообщение?

– Поверь, как и в любом деле, тут главное – лишь начать.

Разговор сам выведет тебя на нужные слова.

Тем временем чернокожий колдун, а по совместительству ученый-философ, вышел из своей комнаты, неся в руках поднос с двумя чашками своего травяного зелья.

– Выпьем, друг мой, за твоё путешествие. Чтобы твой Хранитель провел тебя по уготованному свыше пути и вернул мне в целостности и сохранности.

Я подошел к нему и взял горячую кружку.

– Надеюсь, твой Хранитель тоже меня не оставит? – сказал я, отхлебнув терпкого отвара. – Не могу сказать, что это вкусно, раньше ты делал из подножных трав гораздо более достойные напитки. Видимо, стареешь. Твои пальцы теряют чувствительность, раз не могут отличить благородные растения от пустынной колючки.

– А ты все пытаешься уколоть меня, как и раньше в университете, ставя в укор мой почтенный возраст, – улыбаясь, произнес он. – Но тут дело в другом. Этот напиток поможет укрепить нашу связь. Последние годы ты всегда был моими глазами в этом мире, теперь я отплачу тебе тем же, и буду твоим проводником в мире духов. Я попрошу их, чтобы они оберегали тебя так, как ты оберегал несчастного слепого старца. Ты можешь в это не верить, но твоё неверие не изменит законов мироздания. Просто выпей это, а в остальном доверься мне. Вот увидишь, в конце своего путешествия ты изменишь взгляд на многое.

– Если тебе от этого будет спокойнее, то я с радостью упо-

треблю содержимое кружки по назначению, – при этих словах я думал лишь о том, как же мне передать слова своего невидимого товарища. – Знаешь, – неуверенно начал я, – не могу говорить за мир духов, но поскольку в мире людей это может быть нашей с тобой последней встречей, то я поведаю одну свою тайну. Все равно ближе тебя у меня никого нет. Да и если с годами твой рассудок помутится и ты всем начнешь это рассказывать, никто не поверит в бред слепого старика, который каждый месяц уходит в пустыню на встречу с духами предков.

– А тебя так заботит то, что о тебе будут думать люди, которые тебя даже не знают? – улыбаясь, спросил он.

Я немного растерялся, и на секунду задумался. Действительно, с одной стороны, он прав. Я всегда боялся говорить кому-то об этом именно потому, что не хотел, чтобы мой образ героя порочила тень психического расстройства. Чем я руководствовался в такие минуты? Своим тщеславием? Или желанием казаться в глазах других идеальным человеком? Ведь сейчас до этого никому нет дела. У людей много своих проблем, и даже если бы все это знали, то отнеслись бы к данной информации весьма терпимо, а скорее всего, равнодушно. Мало ли сколько снарядов разорвалось возле моей головы, хорошо хоть что только этим отделался. Но я упорно не хотел, чтобы о моей тайне знал еще кто-то. Даже сейчас я рассказывал об этом с неохотой. Наверное, где-то в глубине души я надеялся на то, что спустя века все наладится и мое

имя займет свое место в истории. Я и вправду многое сделал не только для своего народа, но и для всего мира. Я хотел, чтобы меня вспоминали как некий идеал, а у идеальных людей не должно быть недостатков. Точнее, знать о них должны лишь немногие, иначе идеал превратится в посредственность. Люди сами создают себе ложных богов, и я не хотел их разочаровывать. Это гордыня. Я в один миг осознал, что всю свою жизнь пытался быть идеальным для всех, забывая, что я всего лишь человек. Может быть, поэтому я и записался в добровольческий корпус в первый же день войны? Я уговаривал себя, что дело лишь в желании защитить свою страну, свои принципы. Но, возможно, какая-то скрытая часть подсознания говорила мне: «Это твой шанс стать для них Богом». Вероятно, это и движет великих людей вперед? Желание быть Богом для остальных. Причем быть Им можно в чем угодно. И действительно, многие двигают науку вперед, чтобы добиться признания и заглушить воспоминания о том, какими убогими они выглядели в глазах бездарностей, которые преследовали и угнетали их в жизни. Может, и я решил таким образом добиться быстрого успеха? Потому что к тому моменту, когда я оканчивал университет, детей, подобных мне, было много. И генетика дошла до того, что родители могли корректировать способности своих будущих отпрысков еще на стадии эмбриона. Возможно, именно тогда мое подсознание затаилось и начало ожидать своего «звездного часа», когда я смог бы либо доказать, что я достоин ме-

ста в пантеоне ложных богов, либо умереть? А когда этот час настал, то, скорее всего, именно поэтому я так вел себя на поле брани? Я и вправду тогда был богом для моих подчиненных. Своим примером я показывал, как надо убивать, и за это меня боготворили. Как бы я ни пытался себя обмануть, но мне это нравилось. С такой стороны я на себя еще не смотрел, и мне стало невыносимо грустно. Будто бы то, во что я верил всю свою жизнь, оказалось обманом. Но самое обидное было в том, что именно я сам себя и обманул.

Все эти мысли промелькнули в моем сознании за один миг. Но тут же рядом со мной оказался мой невидимый друг. Обычно он был хладнокровен, и все реплики произносились им без эмоций. Но тут я его не узнал. Он вновь предстал таким, каким был в первые годы нашего странного «знакомства».

– Вспомни, что уныние – это смертный грех, – неожиданно резко зазвучал его голос в моей голове. – В твоих рассуждениях есть немалая доля правды, но если бы ты был прав полностью, то не отказался бы от должности, которую тебе предложили после окончания войны. Ты, конечно, далеко не идеален, но при этом ты и не так плох, как иногда хочешь себе казаться. Действительно, как генетики ни очищали твою цепочку ДНК от людских пороков, они не смогли до конца убрать то, что миллионами лет записывала в человечество природа. В тебе очень много доминантности, свойственной нашему виду, но именно это и делает тебя уникальным. Ва-

ша наука, безусловно, далеко продвинулась, но до Бога ей не дорасти никогда. Где сейчас те «идеальные» дети с улучшенными генами, рожденные в искусственных условиях и воспитанные на искусственных ценностях? Почему никто из них сейчас не исправляет положение? Да потому, что результаты этого опыта – плоды людских иллюзий, в которых они хотят изменить то, чего еще сами до конца не понимают. А ты – неудавшийся эксперимент, который на деле оказался удачнее, чем ты себе можешь представить. Ты – дитя Бога, доработанное в сотрудничестве с Человеком. Тебя создавали ученые, верующие в то, что их действиями руководит кто-то свыше. Те, кто хотел блага для человечества. А коммерческие эксперименты, за которыми многие видели будущее, проводили с целью банальной наживы, забывая при этом, что человек пока еще не может постичь своего Творца. Да и вряд ли ему это когда-то будет под силу.

Я не стал ему отвечать, но крепко задумался. Голос моего реального собеседника вернул меня на землю.

– Друг мой, с тобой все хорошо? – обеспокоенно спросил он. – Я чувствую, что чем-то тебя обидел. Твое сознание словно покинуло наш грешный мир.

– Все хорошо, я просто задумался. На самом деле ты открыл мне глаза на многое. Или если не открыл, то хотя бы направил мысли в нужном направлении. Надеюсь, я смогу в себе разобраться и когда-нибудь найду ответы на те вопросы, которые ты, сам того не желая, взрастил в моем разуме

за одно мгновение.

– Оно часто так бывает. Можешь искать ответы всю жизнь, а когда осознаешь, что тебе этого понять не дано и отпускаешь ситуацию, они сами приходят с той стороны, откуда и вовсе не ожидал. Неисповедимы пути мироздания, мой друг.

– Мой разум немного отвлекся, извини, – произнес я, возвращаясь из своих мыслей окончательно. – Мне хочется тебе кое-что рассказать.

– Я весь внимание.

– Когда я учился в университете, мне начали сниться странные события. Как будто у меня другая жизнь. Я жил в чужой стране, но разговаривал на том же языке, на котором сейчас. Что-то было таким же, как и во времена моей молодости, а что-то явно намекало на прошлое. В общем, как часто бывает во снах, я помнил лишь какие-то обрывки. Подобные сны приходили ко мне почти каждую ночь. Я не обращал на это внимания до тех пор, пока в сознании не стали неожиданно проскакивать какие-то обрывки фраз. Сначала я думал, что это связано с эмоциональным перенапряжением в учебе. Но со временем эти фразы начали складываться в предложения, а предложения стали перерастать в целые монологи. В моей голове как будто поселился еще один человек. Понимаю, что по-хорошему это надо рассказывать психиатру, но последнего врача подобной направленности я встречал только в реабилитационном госпитале после ране-

ния. Да и то его уровень был крайне низок. После трех минут жалких попыток объяснить мне все трудности войны и подробности моей контузии он наскучил настолько, что я рассказал ему, с чем нам на самом деле приходилось встречаться в боевой обстановке. Суровая реальность изменила его восприятие мира. На первом же корабле он отправился на континент и, насколько я знаю, завязал с мозгоправством. Эти отступления я делаю, потому что немного волнуюсь – такое чувство, что я снова студент и сдаю тебе экзамен по развитию воображения и философии.

– Насколько я помню, на экзаменах ты никогда не волновался.

– Наверное, потому, что я хорошо скрывал эмоции. Так вот, этот голос перерос в полноценную личность. В человека, у которого кто-то украл его тело, но разум почему-то достался мне. У нас с ним было много общего, но о некоторых вещах у него было свое, резко противоположное мнение. Сначала мне даже нравилось переживать такой опыт, но потом... Мне стало страшно, я был уверен, что схожу с ума. Я боялся кому-то об этом говорить, не хотелось снова становиться объектом пристального изучения. О детях первого генетического эксперимента все только начали забывать, и, поведав о своей тайне, я бы снова оказался подопытным в лаборатории. Именно в то время я дал себе слово, которое сейчас нарушаю: никогда никому о нем не рассказывать. А когда после кратких курсов военного дела наш батальон от-

правили на фронт и я попал в свой первый бой, передо мной впервые предстала его фигура. Не знаю, что на это повлияло. Скорее всего – сильный эмоциональный стресс. Как раз тогда он оформился для меня в человека. Я бы не выжил без него. Он говорил мне то, чего я не мог видеть. Он предупреждал меня о том, чего я не мог знать. И тогда я засомневался в своей теории, что это часть моего сознания. Ведь он был всегда на шаг впереди, и при этом никогда не помогал мне до тех пор, пока его помощь не была решающей в деле спасения моей жизни. Об этом я могу рассказывать бесконечно, но цель этого повествования лишь в одном: информация, которую я сейчас тебе расскажу, это не мои слова, а его. Понимаю, насколько странно и дико это звучит, но это так. Несколько минут назад он просил передать тебе следующее. Думаю, ты поймешь, – я взял небольшую паузу и отстраненным спокойным голосом продолжил, – «Не пугайся того, что они все реже и реже приходят к тебе. Это нормально, они тебя не покидают, не бойся этого. В том мире свои законы, и чем больше ты успокаиваешься, тем легче им. Не надо винить себя за то, что ты думаешь о них не с такой сильной болью, которая была раньше. Твои раны затянулись уже давно, теперь пришла пора реже вглядываться в свои шрамы. Ты делаешь доброе и правильное дело, они мне сказали, что тебе еще многое уготовано в этой жизни».

После этих слов я замолчал. В помещении повисла гробовая тишина, можно было услышать, как за многие кило-

метры отсюда шахтеры добывают уголь в карьере, чтобы, как и два века назад, получить из него драгоценную энергию. А ведь еще за пару десятков лет до этих событий ее получали из ветра и солнечных лучей. Через несколько мгновений я увидел, как по его щеке снова катятся слезы. Я ждал, пока он заговорит первым, этого ждал и мой спутник, стоявший рядом со мной.

– Спасибо, мой друг, – грустным голосом продолжал глава давно ушедшей семьи. – Я тебе верю. Они меня предупредили, что передадут послание от неожиданного гостя, который часто у меня бывает, но которого я никогда не видел. Я долго думал, кто это может быть – ведь кроме тебя, у меня вообще гостей не бывает. А теперь все встало на свои места. Воистину, неисповедимы пути Создателя. Но я хочу, чтобы ты тоже кое-что понял: это сообщение не только для меня, оно адресовано нам обоим. Только для каждого из нас оно несет свой смысл. Если все так, как ты говоришь, это в очередной раз доказывает, что не все в этом мире подчиняется известной нам логике. Ведь если с тобой говорило твое подсознание, то откуда я знал, что мне кто-то должен передать от них весть? И откуда твое подсознание могло знать о том, что они все реже и реже приходят ко мне? Возможно, эти слова сказаны нам обоим, чтобы подкрепить нашу уверенность в выбранном пути. Теперь понятно, что мы не сходим с ума от навалившегося ужаса. Не все так просто в нашей жизни.

В воздухе снова повисла пауза. Мой невидимый спутник взял неловкую ситуацию в свои руки.

– Нам нужно скоро выходить, поезд ждать не будет. Делай то, зачем мы сюда пришли, иначе есть риск снова отложить наше путешествие, – его интонация снова приняла спокойный оттенок.

– Я приготовил еще пару экспонатов для твоего музея, – прервав молчание, сказал я. – Учитывая, что итог моей поездки до конца не ясен, я бы не хотел, чтобы это пропало вместе со мной.

Я достал из рюкзака свое именное оружие, парадную форму с наградами, и вложил это в его руки.

– Это НАШ музей, друг мой. Хочу, чтобы ты всегда об этом помнил. Без тебя не было бы не только его, но и я сам уже давно лежал бы в земле. И теперь эта часть твоей души навсегда здесь останется. Я очень надеюсь, что когда-нибудь ты вернешься сюда и у нас будет повод ее снова примерить. А пока ты не вернешься, я буду всем своим посетителям рассказывать о том, кого я учил в университете, и в качестве доказательства предъявлять им твои вещи. Думаю, что с такими экспонатами я смело могу рассчитывать как минимум на пятьдесят человек в следующем месяце, – засмеявшись, сказал колдун, которого судьба забросила далеко от родины и подвергла самым суровым испытаниям, чтобы он вернулся к своим корням.

На этих словах мы с ним обнялись, и я впервые за долгое

время почувствовал тоску. Это был тот самый случай, когда ничего не нужно было говорить, и без слов всем все было понятно. Я молча посмотрел ему в глаза и, развернувшись, пошел к двери. Наверное, это и есть полное взаимопонимание, когда эмоции во всем заменяют слова. Таких друзей, к сожалению, у меня в жизни было мало. Большинство из них не пережили Великую Войну. А того, от которого мы сейчас уходили, я, вероятно, видел в последний раз. Но другой, о котором мне многое неизвестно, будет рядом до самого конца.

Когда мы вышли, на улице уже вечерело. Солнце клонилось к горизонту, и жара покинула пустыню, чтобы на следующее утро вернуться и снова докучать немногим жителям, оставшимся в этом Богом забытом городе. Мы неторопливо дошли до вокзала – одного из немногих мест, которое всегда поддерживалось в достойном состоянии, ведь именно с него у всех начиналось знакомство с этим населенным пунктом. Скоростная железная дорога была единственным безопасным способом путешествия по континенту. На машине был большой риск наткнуться на мины, которые расставляли мародеры на всех дорогах. Но даже если ехать по пустыне, риск наткнуться на банды становился куда выше. Авиасообщение было приостановлено практически в самом начале войны. Нам сказали, что это временная мера, ведь враг мог сбивать даже гражданские самолеты. Но война кончилась, а закрытое небо вполне устраивало новые власти. Намного

проще контролировать оседлых людей, чем отвлекаться на мигрирующих по планете бунтарей. Любые путешествия были сведены к минимуму. Недаром говорят, что «нет ничего более постоянного, чем временное».

Но железная дорога работала без перебоев. Через весь континент протянулась вакуумная труба, которую снаружи от воздействия асоциальных членов общества защищало сильное магнитное поле, способное отразить мощнейшие взрывные волны. Вдобавок к нему на всей магистрали стояли автоматические пулеметные вышки, расстреливавшие все живое, что приближалось ближе чем на двести метров. Поезда внутри этой трубы пролетали с бешеной скоростью. При желании весь континент можно было проехать четыре раза менее чем за сутки. Это было, пожалуй, единственным наследием прошлой жизни, которым могли пользоваться те, у кого было разрешение на выезд из своего поселения. Мы пришли на вокзал за три минуты до прибытия нашего состава.

– Мне даже немного грустно, – сказал мой вечный спутник. – Такое чувство, что я больше никогда сюда не вернусь.

– В таком случае, меня ждет та же участь, – ответил я, оглядываясь по сторонам, чтобы убедиться, не слышат ли меня посторонние. – Если тебе не суждено больше здесь появиться, значит, и мне уготована такая же судьба.

– Как говорит наш африканский друг, «Неисповедимы пути Создателя». Возможно, ты сюда еще вернешься, но уже

без меня.

Последняя фраза меня напугала. Я не понял, что он хотел этим сказать, но не стал переспрашивать, боясь услышать его ответ. В любом случае, у нас обоих было предчувствие, что все только начинается.

Гиперпоезд бесшумно въехал на перрон. Двери открылись, и, подождав, пока выйдут прибывшие на станцию пассажиры, мы зашли в гениальное творение человеческих рук. Заняв свое место, я снова вспомнил о сегодняшних мыслях по поводу своей гордыни, но тут же отогнал их от себя. Слишком много событий произошло в этот день. Нужно было время, чтобы это улеглось в моей голове. Но я твердо знал, что еще не до конца разобрался в себе и эти размышления еще не раз всплывут в моем странном сознании.

Поезд тронулся, и вагоны плавно начали набирать привычную скорость. До того, как шторы на окнах опустятся для предотвращения приступов тошноты у пассажиров от быстро меняющегося пейзажа, я оглядел пустыню, где жил несколько лет. В очередной раз мне представилась возможность увидеть, насколько удивителен наш мир в своем разнообразии. Но к этим живописным видам мы быстро привыкаем. Не часто нам предоставляется шанс посмотреть на них отрешенно и понять, как прекрасна наша планета, которую мы не ценим, а зачастую даже уничтожаем. Насколько хрупким является природный баланс. И, судя по всему, человечество этот баланс расшатало. Иначе зачем бы оно сво-

ими же руками сократило нашу биологическую популяцию до уровня, который был два века назад. Должно быть, природа предусмотрела в наших головах какой-то неизвестный механизм, заложенный на всякий случай. И когда мы стали представлять для нее серьезную угрозу, она его включила. Чем же еще можно объяснить то, с каким усердием мы избавили этот мир от перенаселения, а заодно и от своих чрезмерных амбиций? Планета стряхнула с себя все лишнее, а нам преподала урок, который мы должны усвоить: если мы нарушаем гармонию во Вселенной, то Вселенная всегда найдет способ вернуть все в равновесие. Если есть некий Сверхразум, называемый Богом, то, надеюсь, Он знает, что делает. Ведь сам я пока не вижу во всем случившемся глобального упорядоченного смысла.

Пейзаж за окном стал меняться с такой скоростью, что человеческий глаз, не в силах за ней поспевать, стал размазывать эту картинку. Складывалось впечатление, будто бы на холст со свежими красками вылили воду и подули на нее сбобку очень мощным вентилятором. В это мгновение шторы опустились, а на электронном табло высветилось время прибытия в конечную точку нашего путешествия, в новую столицу Австралийского континента – город Сидней. У меня оставался один час и семь минут. В расписании были еще две остановки, но я решил попробовать хоть немного поспать, воспользовавшись комфортным креслом. Я закрыл глаза и, как мне показалось, не успев уснуть, почувствовал, что на

меня кто-то смотрит. Открыв их, я увидел проводника, который не решался меня будить. Поняв, что я проснулся, он произнес: «Наш поезд прибыл на конечную станцию, господин полковник. Мы в Сиднее».

Глава 5

Петроградское утро было морозным и солнечным. Ночью мы наметили примерный план поездки в страну, с которой нас разделял не только океан, но и масса противоречий, в том числе идеологических. Наш план был чрезвычайно прост: долететь до Вашингтона и встретиться со старым знакомым, университетским профессором, с которым мы дружили достаточно давно, чтобы можно было ему хоть немного доверять... Как ни странно, он имел малое отношение к тому, чему мы посвятили всю свою жизнь. Он являлся обычным социологом, и с ним было довольно комфортно общаться. По крайней мере, из всех остальных, с кем нам приходилось встречаться в подобных командировках, в нем присутствовали ярко выраженные человеческие качества, представлявшие большую редкость в нашем мире. Зная о необычных талантах моего друга, он воспринимал его как приятного собеседника и ни разу не попытался воспользоваться нашим даром в своих корыстных целях, как это обычно делали другие. Слабым местом в нашем плане было то, что мы даже примерно не представляли, куда нам надо ехать, а главное – зачем? Помимо встречи с этим человеком, которого мы, кстати, не видели несколько лет, никто из нас и представить не мог, что нам надо будет сделать, чтобы попытаться найти ответы на свои вопросы. Мы оба твердо зна-

ли лишь одно: ехать надо как можно скорее. Складывалось ощущение, что мы постоянно опаздываем на один шаг, но именно в этот раз мы должны успеть, иначе другого шанса судьба нам не предоставит.

Как и планировалось, в районе полудня мы двинулись к матери Хозяина за документами. Идти нужно было долго, поэтому решено было воспользоваться проверенным транспортом, а именно метрополитеном. Мой друг не любил им пользоваться и делал это только в те дни, когда пребывал в хорошем настроении, чтобы улучшить его еще сильнее, практикуя ненавязчивое чтение мыслей или же гипнотизируя людей. Но не надо думать, что он делал это с целью удовлетворения собственного тщеславия. Это была скорее необходимость поддерживать себя в форме. Своего рода тренировка, только вместо тела нагрузка ложилась на мозг. Почему он не занимался этим на работе? Да потому, что для своих коллег он был исключительно исследователем. О том, что гораздо интереснее, с точки зрения науки, исследовать именно его, не знал практически никто, кроме нескольких ментально-сильных сотрудников министерства, его бывшего ученика и самого Императора. Хотя слухи о его персоне ходили самые разные, но, основываясь на них, ни один здравомыслящий человек не стал бы делать далеко идущих выводов. И он не хотел, чтобы истину знал кто-то еще. Ведь одно дело, когда о тебе ходят непроверенные небылицы, а другое – когда все видят твои возможности каждый день. Во втором

случае история могла бы развиваться несколько по-другому. Первое: никто не будет думать ни о чем, кроме как держаться от тебя подальше. Второе: ученые братья непременно захотят при первой же возможности вскрыть твой череп и понять, в чем же причина столь необыкновенного таланта. Ну и, разумеется, третье: все вокруг будут стараться максимально использовать тебя в решении своих проблем.

Вот и приходилось нам иногда спускаться в такие места, где для поддержания должной квалификации можно было легко найти себе «жертву», которая ни о чем не догадается. Но мы чаще выбирали тех, кому действительно нужна была помощь. Ведь в каждом человеке, которого вы встречаете на улице, скрыты переживания, трагедии и тайны... В общем, весь тот комплекс эмоций, делающий нас людьми. Таких пассажиров мы ощущали сразу, и, выходя из подземелья на свет, они смотрели на мир уже совершенно другими глазами. Хотя зачастую для этого им не хватало лишь обычного совета, а в некоторых случаях просто психологического расслабления. Практически все люди, опасаясь попасть под прицел хищников, притворяющихся друзьями, носят маски, позволяющие им скрывать свою слабость и беспомощность... Или же им мешает страх того, что большинство их не поймет и выдавит из привычного социума. Как раз поэтому человечество и погрязло в пороках, которые в большинстве своем являются лишь способом сбежать из привычного мира и попыткой создать свой. Пускай он будет нереальным, зато в нем такие

потерянные люди найдут свое спокойствие. У большинства их миры ограничиваются дурманом от алкоголя или наркотиков. Другие дают волю темным сторонам своей души, надеясь на то, что никому об этом не станет известно. Как хорошо, что умением залезать в головы к окружающим владеют столь немногие. Иначе пришлось бы переписывать все устои так называемого «цивилизованного» общества. Все мы говорим одно, а в мыслях держим совсем другое. Большинство проблем человечество придумало себе само. В этом мы преуспели, и даже ошибки, которые стабильно повторяет каждое поколение, нас ничему не учат. Как бы мне хотелось верить, что в будущем они не приведут к катастрофе...

Но в этот раз мы решили провести необычный эксперимент, который уже неоднократно пытались сделать ранее, но постоянно терпели неудачу. Нам хотелось попробовать понять настроение или мысли не одного отдельного человека, а всех сразу. А для этого как нельзя лучше подходила утренняя «подземка». Интересно было узнать: что же мы такое услышим? Хаотичный набор непонятных вибраций или единый голос одного большого организма? Подобные опыты проводились неоднократно в нашем институте. Но тогда были созданы искусственные условия для миллионов участников эксперимента, а именно – ежегодное послание Императора своему народу. Проведение таких опытов было бессмысленным, ведь не надо быть предсказателем, чтобы предвидеть его итоги. А итоги были очевидны: «наверх» тут же

докладывали, что вся страна слушала его речь в едином патриотическом порыве, что каждый гражданин искренне отвечал на нее позитивными колебаниями. И, стало быть, толпа людей, живущих на одной гигантской территории, вовсе не толпа, а единый народ, единая нация.

Но когда на следующий день мы вдвоем попытались провести подобное исследование в условиях, которые соответствовали нормальной повседневной жизни, то результаты оказались обратными. Прохожие не слышали ничего, кроме своего тщеславия. Все были озабочены лишь своими мелкими проблемами, а о благе Родины вовсе не думали. Их ничто не объединяло – и вместо нации мы снова видели толпу. Если тебя лично не касается беда, то сострадание зачастую очень наигранно. Причем самообман доходит до такой степени, что люди сами начинают в это верить. Прослушав очередную новость о пожаре или землетрясении, все в едином порыве начинают тяжело вздыхать. Они якобы сопереживают тем, кто с этим столкнулся и пострадал. Но проходит несколько минут, и еще недавно хмурые сопереживающие уже улыбаются, быстро вернувшись к привычному образу жизни. А самое главное – их нельзя в этом винить. Это просто человеческая природа, направляемая внешними факторами в определенную сторону.

Но подобные исследования касались только больших городов. Мы в свое время пошли дальше. Несколько лет назад нам посчастливилось анализировать магнитные аномалии в

районе северного хребта Уральских гор. Причем эти аномалии излучали положительные вибрации. Так вышло, что там находилось достаточно большое старое поселение, оторванное от цивилизации, где жило около двух тысяч человек. Люди в нем пользовались технологиями тысячелетней давности. Это была скорее община. И все в ней себя вели как единый организм. Они чувствовали боль друг друга как свою собственную! И при этом там присутствовало четкое понятие частной собственности. У всякой вещи или скотины был свой хозяин. Да что там говорить, они и ссорились иногда, как и в любом социуме, но всегда находили компромисс. Это была единая небольшая нация, которая являлась целостной уже долгое время. Но в нашем эксперименте в Петрограде вся гармония заканчивалось в лучшем случае на следующее утро.

И закономерность, которую мы вывели тогда, заключалась в том, что чем меньше город, тем более сплоченное в нем население и тем больше оно ощущает свое единение со всем народом. Наверное, как раз поэтому люди в больших городах всегда чем-то недовольны, у них вечные проблемы и они постоянно хотят чего-то нового. Будто их никогда не покидает чувство голода, даже после праздничного ужина. Они не задумываются о том, что жизнь могла быть гораздо хуже, но зато требуют от других, чтобы все вокруг постоянно становилось лучше – и при этом не хотят начинать этих улучшений с самих себя.

Но в этот день во время поездки в метро мы заметили совершенно иную картину. Полнейший унисон голосов! Все были немного напуганы, но воодушевлены; немного недовольны, но при этом согласны претерпеть некоторые неудобства; немного злы, но готовы прийти на помощь даже тем, кто сейчас далеко. И все в едином порыве хотели одного – справедливости. И если власть имущие наверху ее добьются, тогда эти люди начнут менять себя сами, природа подскажет, в какую сторону двигаться, нужно будет просто им не мешать.

– Как же их сплотил общий враг, – пробормотал мой друг, поднимаясь по длинному эскалатору. – Лучше бы они привыкли так жить и в спокойной обстановке. Пройдет пара лет, и если все нормализуется, то мотивация в их сердцах угаснет.

– Не будь к ним так строг, у большинства из них очень ограничена мера понимания действительности. Тем более, им показывают проблему лишь с одной стороны, а за океаном ту же самую проблему освещают иначе. И парадокс в том, что с какой стороны ни посмотри – везде есть своя правда. Ты всегда пытался сравнивать всех с собой – лучше попробуй посмотреть на мир их глазами.

– Я стараюсь. Надеюсь, что когда-нибудь ко мне это придет, а пока мне гораздо легче проникнуть в их голову и попытаться переставить там все в той последовательности, которую я считаю правильной.

– Значит, ты ничем не отличаешься от тех, кого критикуешь. Представь, как будет скучно, если все будут такими, как ты! А главное – ты потеряешь свою уникальность. Поэтому не мешай людям быть особенными, пускай и в своей глупости, – улыбнувшись, отвечал я.

– Да я и не мешаю, лишь бы только они своей глупостью не мешали мне. Но ведь они окружают меня везде, я уже устал с этим мириться. Нам в первую очередь нужно думать о грядущих поколениях, а не пытаться помочь всем людям: многие из них этого не заслуживают. А мы по старой привычке пытаемся задобрить большинство, ведь в сытости ни у кого не возникнет желания бунтовать. Вместо того, чтобы раздавать всем рыбу, лучше бы дали людям удочки. Будет возможность для инициативы – наш народ так выстрелит вперед, что никому не под силу будет за нами угнаться. А пока у нас инициатива жестоко наказуема, и никто не собирается ничего менять.

– Ты же знаешь всю систему изнутри и сам понимаешь, что так быстро ничего не происходит. Дай время таким, как Хозяин, и они все исправят. Император все это понимает. Я уверен, что рано или поздно все будет хорошо. Просто одному человеку такое не под силу. А если и под силу, то цена, которую за это придется заплатить, будет слишком высока.

Через три минуты мы были уже возле парадной старого дома, куда много лет назад заходили не реже, чем раз в неделю. Каждую субботу тут собирались молодые бунтари, пол-

ные решимости перевернуть если не весь мир, то, как минимум, все научное сообщество. И тогда мне было непонятно, как такие живые и пытливые умы в итоге становятся частью закоряченной системы? Почему мы не ощущаем на себе плодов их преобразований? Вся проблема в том, что система или меняет человека, или ломает его. Но поскольку быть поломанным никто не желает, все они, когда приходит время, меняют свои принципы и уже давят таких же революционеров, какими когда-то были сами. Замкнутый круг. Но даже в этом правиле, как всегда, бывают исключения – те, кто не хотят прогибаться. И чем сильнее система, тем больший на ее счету процент сломанных судеб. Но рано или поздно найдется тот, кто окажется настолько сильным, что все винтики и шестеренки этой системы не в силах будут его удерживать. Тот, кто окажется могучим айсбергом на пути непотопляемого судна. Тот, кому все усилия, направленные против его действий, будут казаться волнами, тщетно пытающимися смыть в море огромную скалу.

И себя в такой роли всегда видел мой друг. Он был настолько уверен в своем предназначении, что доводы своих оппонентов, которые не мог оспорить логически, просто игнорировал. Даже я иногда был бессилён в разговорах с ним. А главным примером для подражания у него был Император. Да-да, тот самый Император, главным критиком которого он сейчас и является. Когда его работами заинтересовались на самом верху, он еще больше уверовал в свою избранность. А

когда сам глава государства на личной встрече доверил ему создание особого института, то его счастью не было предела. Ведь он уверенно поднимался вверх по лестнице, которая, как ему казалось, приведет на вершину Олимпа.

Но именно тогда он и столкнулся с системой. Вернее, он постоянно с ней сталкивался, но его ум и харизма легко преодолевали все преграды, которые пытались воздвигнуть перед ним бездарности и посредственности, в большом количестве обитавшие на низких и средних уровнях чиновничьего аппарата. Но после этого назначения его перевели в «высшую лигу», где таких, как он, было если не много, то вполне достаточно. И все они находились в оппозиции к нему и к его принципам. Тут началось испытание самолюбия моего друга. Уже не всегда он мог подстроить ситуацию под себя, скорее, ему приходилось подстраиваться под ситуации. И это становилось для него настолько мучительно... Даже бывали моменты, когда ему казалось, что с него заживо сдирают кожу. Он был столь незащищен перед ними, что его руки опускались все ниже и ниже. Он увидел, что на самом деле вся структура этой чистой, как ему до этого казалось, революционной власти являлась не такой, как нам всем рассказывали. Что это были лишь слова для задабривания огромной биомассы, населяющей половину земного шара. Именно столько входило в так называемое «Содружество Мирового Единения». А контур реальной власти оказался до такой степени закрытым, что не имел ничего общего с теми, кого мы при-

выкли считать народными представителями. Хотя все-таки имел – они являлись некими компромиссными фигурами, устраивающими все заинтересованные стороны. В их руках находились достаточно мощные рычаги воздействия в своих сферах, но все предпочитали ими не пользоваться. Вернее, пользоваться лишь так, как предусматривает система. Иначе их легко могли заменить, как сломанную запчасть в механизме, а рисковать никто не хотел. И это раздражало его сильнее всего остального! Ведь оказалось, что те самые посредственности и бездарности, с которыми он так часто встречался и боролся внизу, были вполне достойными людьми в сравнении с теми, кого он встретил в «высшей лиге». С той лишь разницей, что обитатели высоких кабинетов были гораздо искуснее в деле интриг и лицемерия.

Но даже при таких сложных обстоятельствах ему посчастливилось, и он оказался как раз в этом закрытом контуре власти. Ведь он создал институт изучения необъяснимых способностей человека, а такую структуру по закрытости от внешнего мира можно было сравнить лишь с оборонными предприятиями. Все знали об их существовании, но никто не имел точного представления, что именно там находится. И его сразу же начали воспринимать серьезно, ведь слухи о человеке, который может читать чужие мысли, расходятся крайне быстро. С ним пытались подружиться все, а он видел их желания насквозь, поэтому предпочитал держаться подальше. Но помимо главной работы, в которой его ко-

манда добилась серьезных успехов, он начал интересоваться тем, куда ему не следовало лезть. После двух лет кропотливой работы ему показалось, что он перерос те вещи, которыми занимался. И главной ошибкой было то, что он свято верил в некий заговор, целью которого было держать в неведении его кумира, который просто не знал всего того, что творилось в его Империи. И как только он откроет ему на это глаза, то все моментально изменится. А возглавлять эти изменения поручат именно ему: молодому дарованию, которое своей преданностью делу заслужит свое место возле трона Великого Человека.

Как-то раз, добившись личной аудиенции и взяв с собой кропотливо собранные за долгое время доказательства всеобщей лжи и корысти, он пришел и выложил все свое видение сложившейся ситуации, а также необходимые, по его мнению, шаги по выходу из нее. Император долго изучал принесенные им бумаги, а потом всмотрелся в его глаза. И тогда моего друга осенило. Он почувствовал всю силу Императора, о которой раньше и не подозревал. В его разум как будто кто-то вежливо стучался, но при этом было понимание того, что если дверь не будет открыта, то ее вынесут с петель, пусть и не без труда. И он сам открыл эту дверь, расслабившись и доверившись судьбе, ведь скрывать ему от своего кумира было нечего.

После нескольких минут подробного изучения внутреннего обустройства сознания незванным, но достойным восхи-

щения гостем, дверь, защищающая разум моего друга, была бережно закрыта снаружи. У нас обоих сложилось ощущение того, что приходивший был очень любезен, тактичен и даже повесил на нее несколько своих замков, чтобы никто больше не посмел туда попасть.

После этого Император встал и прошелся по своему, довольно скромному, кабинету. Кстати говоря, единственному месту, где не было его портретов. Поразмыслив несколько минут, он начал диалог, который в итоге стал одним из лучших уроков в жизни моего товарища, но при этом разрушил все его надежды и мечты.

– Самое главное для меня – это то, что я увидел в твоей голове, мой друг. Твоя искренность и преданность меня подкупают, – после этих слов он сделал небольшую паузу, во время которой мне показалось, что в глазах моего друга засиял такой блеск, что он мог взглядом осветить целую планету. Не буду скрывать, тогда я тоже на несколько мгновений почувствовал гордость за наши труды. – Но, с другой стороны, меня очень беспокоит твоя наивность, и местами даже глупость, – а вот эти слова мгновенно вернули нас обоих с небес на землю.

– Ваше Императорское Величество, я не совсем вас понимаю.

– Наверное, и правда не понимаешь, раз предлагаешь такой план действий по выходу из ситуации.

– Неужели вы мне не верите? – взволнованно спросил на-

ивный ягненок матерого волка. – Я готов под присягой подтвердить все свои обвинения. Практически все в вашем правительстве думают не о величии нашей Империи и благосостоянии народа, а только лишь о бесконтрольной власти и жажде наживы. А людей, населяющих нашу великую Державу, многие из них считают лишь своими бесправными рабами, раз позволяют себе купаться в роскоши в такое трудное для страны время. Ведь у всего, даже у казнокрадства, должна быть какая-то мера, а они уже настолько обнаглели от своей безнаказанности, что, не стесняясь, об этом рассуждают. Но в то же время те единицы достойных сынов своего Отечества, которые тянут на себе всю работу, скоро не выдержат и сломаются под их гнетом. Нужно что-то делать, иначе потом будет слишком поздно.

– Поверь мне, я делаю это с самого первого дня моего правления. Если бы ты мог представить, сколько уже сделано, то не был бы так строг в своей критике. Я вычистил такие «Авгиевы конюшни», о которых Геракл не мог даже подумать в своих самых жутких кошмарах. Я приложил невероятные усилия для того, чтобы наша Империя вернула свое величие. А теперь ты решил прийти ко мне и открыть глаза на суровую реальность? – При этих словах Император усмехнулся. – Ты еще молодой и многого не понимаешь. Я прекрасно знаю все то, о чем ты мне говоришь. Я знаю даже больше! Хотя некоторые факты, которые я увидел в твоих мыслях и бумагах, мне действительно неизвестны. И по-

верь, я воспользуюсь твоей информацией. Но если я начну исправлять все теми методами, которые ты предлагаешь, то проживу не больше месяца. Сначала отовсюду мне будут отправлять гонцов, чтобы попробовать задобрить, а когда поймут, что я решителен в своих действиях, просто меня уберут. И сделает это мой самый доверенный охранник, или даже друг детства. Потому что мир, в котором я живу, это очень хрупкий баланс интересов, – Император подошел к небольшому шахматному столику в углу, на котором друг против друга стояли черные и белые фигуры, и внимательно на них посмотрел. – И в этой игре мне приходится учитывать все возможные варианты развития событий, чтобы наверху все было не очень-то и довольны, но чтобы их все это устраивало. А главное – чтобы им было что терять, ведь в таком случае я смогу ими манипулировать. Запомни: те, кому нечего терять, могут принести много бед. Даже крыса, загнанная в угол, может перед смертью прокусить горло бойцовому псу, – помолчав минуту, он взял с доски фигуру короля. – В шахматах все как в жизни. Без этой фигуры игра считается проигранной. Казалось бы, она должна быть самой мощной, раз судьба всех остальных зависит от нее. Но на деле это лишь символ, в который верят все пешки, но который не в состоянии их защитить. Скорее, ему даже придется ими пожертвовать, чтобы не проиграть ответственную партию. Вот и я – как этот несчастный король. Могу идти в любую сторону, но лишь на одну клетку. Очень ограниченная свобода

действий. Я не могу никому доверять, потому что по-настоящему преданных своему делу профессионалов у меня практически нет. Вот и приходится работать с теми, кого воспитало смутное время. Ты даже представить себе не можешь, как мне надоели эти убогие бюрократы с их примитивным образом мышления! Они настолько заиклены на своих интересах, что даже не могут представить, какое удовольствие можно испытывать от исполнения задуманных дел. Они живут лишь сегодняшним днем, не в состоянии смотреть хотя бы на несколько десятилетий вперед. Им не интересен ни тот мир, что внутри нас, ни тот, что нас окружает. И когда пытаешься это им объяснить, то в глазах видна лишь пустота. Хотя все в один голос кивают головой, молча признавая важность всех моих планов. Подхалимы! Одним из критериев, по которым я так высоко тебя продвинул, является сочетание ума, искренности и преданности. Такое встречается редко. Говоря об уме, я имею в виду не энциклопедические знания, а определенное чутье верных жизненных принципов. Как правило, такие умники еще и очень хитрые. Хорошо ориентируются в любой ситуации и первым делом стараются получить от нее выгоду. Именно они в основном и обитают рядом со мной. Честных и преданных тоже хватает, но по их способностям им нельзя доверять и элементарных задач, не говоря уже о министерских постах. Могут так перестараться в исполнении приказа, что самому придется за ними все восстанавливать. Так и живу, в окружении тысяч фальшивых улы-

бок и при этом в абсолютной пустоте. С внешними врагами все гораздо проще. Они не скрывают своей враждебности, и мы к ней готовы. Но самый коварный враг – внутри нас. Мы в состоянии свалиться в темные века без посторонней помощи. И моя главная задача – не допустить этого. Пусть сейчас эти примитивные чиновники радуются, но время все расставит по местам. Мое поколение рано или поздно уйдет, и тогда уже вся надежда будет на таких, как ты. А моя задача лишь создать для вас комфортную среду. Но пока у меня это не очень хорошо получается. Сил на все не хватает. Слабоват я, как и мой шахматный коллега. И слабость эта – в одиночестве. Так что в твоих интересах сидеть тихонько и заниматься тем, что тебе говорят. Не стоит недооценивать важность твоей работы. В моем понимании бытия – ты прокладываешь дорогу для всего человечества. Возможно, это и не даст быстрых результатов, но будущие поколения будут ставить памятники таким, как ты. А мне, скорее всего, уготована участь затеряться на задворках истории. Или того хуже, быть растоптанным за мои ошибки. Ведь достижения забываются моментально, а просчеты помнят веками. Им будет легко рассуждать о судьбах нации, зная то, что сейчас является неопределенным будущим. Но мало кто решится поставить себя на мое место и действовать, руководствуясь одним лишь опытом и предчувствием. Не верь учебникам, в которых пишут про кровавых тиранов, единолично управлявших странами и королевствами. Это все миф. Всегда есть

множество интересов, которые надо учитывать, и если были в прошлом диктаторы, которые истребляли миллионы, то, значит, кому-то это было выгодно, либо это продолжалось очень недолгое время. А я уже достаточно давно на этом месте, и буду вынужден быть на нем до конца. На этом прием окончен. Мне надо хорошо обдумать, что с тобой делать, иначе тебя там съедят. Не удивлюсь, если все уже знают о содержании нашей беседы и думают, как бы дискредитировать тебя в моих глазах. Хотел сегодняшний вечер провести в спокойствии, но из-за тебя придется все приводить к равновесию. На днях к тебе придет мой советник и скажет, как мы поступим. А пока ты свободен.

При этих словах мой друг, оглушенный таким поворотом событий, молча встал из-за стола и вышел из кабинета, даже не попрощавшись. Я хотел, как обычно, тут же последовать за ним, но что-то заставило меня обернуться. Его Величество смотрел прямо на меня. И хотя я прекрасно знал, что даже ему не дано меня увидеть, но отчетливо понимал, что его путешествие по сознанию моего друга не прошло для него впустую. Он явно меня чувствовал. Это продолжалось не дольше минуты, потом он ехидно улыбнулся и, резко отвернувшись, вышел из кабинета. В этот же миг я очутился рядом с тем, кому нужна была моя поддержка, хотя мне это только казалось. На самом деле сейчас ему не нужен был никто.

Я ожидал подобного исхода разговора, даже пытался его

к этому подготовить, но он не хотел слушать. Всю дорогу до дома он молчал, а прерывать эту скорбную тишину я не решился. В его голове были мысли о том, что те идеалы, которым были посвящены все его усилия, оказались ложью. Но главным ударом было то, что Император, которого он считал спасителем и в какой-то мере даже Богом, оказался простым человеком, со своими страхами и слабостями. Мой друг в это время воспринимал мир лишь в черно-белых тонах, и ничто не могло внести в эту серую палитру даже малой доли ярких красок, которые он так любил. Если бы он выпивал, то наверняка эта ситуация сделала бы его алкоголиком. Он просто заперся в квартире и молча анализировал всю свою жизнь.

Через три дня раздался звонок в дверь. Мы чувствовали, что гонец с вестями должен был прийти именно сегодня. Это был старший советник Императора, и мой друг даже слегка обрадовался, что это был именно он, ведь как раз с этим человеком у нас и выстроились достаточно теплые отношения. К тому же он курировал наш институт. Но самое главное – мой товарищ доверял ему, хотя мне он всегда казался хитрым и двуличным; но это было лишь внутреннее ощущение. Он был всегда вежлив и тактичен. поприветствовав друг друга достаточно сдержанно, они прошли в рабочий кабинет. Там и начался их разговор.

– Слышал, вы немного повздорили с главным? – начал он издали. – Это нормально. Мы все прошли через подоб-

ное боевое крещение. Иногда у него бывает такое необычное проявление любви и уважения к окружающим его людям. По итогу моего с ним разговора могу сразу вас успокоить – все хорошо. С какой-то стороны даже не просто хорошо, а замечательно.

– Для меня всегда все замечательно. И успокаивать меня не надо, я и так не нервничал.

– Ну тогда я завидую вашим нервам. Некоторые после таких разговоров прямиком из дворца попадали в больницу с инфарктом. А некоторые и вовсе исчезали, – загадочным голосом сказал советник.

– Мне все равно, что вы со мной сделаете. Я высказал свое мнение, и если оно кому-то не нравится – это уже не моя проблема. Я готов сейчас же покинуть все занимаемые мною должности в связи с непреодолимыми разногласиями с политикой Его Императорского Величества.

– Давайте сделаем вид, что я этого не слышал, – улыбнулся советник, пытаясь снизить накал беседы. – Вы ведь даже не знаете того, что мне велено вам передать.

– А мне, в принципе, неважно, что именно вы мне хотите сказать.

– Ну, дорогой мой, не торопитесь с выводами, – он достал из папки лист бумаги, увенчанный гербом Империи, – это Государев указ о назначении вас на должность заместителя министра просвещения. Смею напомнить, что именно этому ведомству подчиняется ваш институт. Поэтому, если, конеч-

но, вам будет угодно, и при условии, что у вас хватит сил и энергии, Император был бы рад, если бы у вас получилось совмещать обе этих работы. Ведь сами понимаете, что те исследования, которые вы проводите, очень важны для нас, и мы бы не хотели ставить на ваше место нового, непроверенного человека. Вы будете подчиняться министру своего ведомства в вопросах государственной политики в этой области, и меня предупредили, что вы явно захотите оспорить это решение, но этот вопрос не обсуждается. Императору сначала нужно убедиться в вашем соответствии столь ответственному посту. И чтобы не наломать дров, над вами должен стоять опытный служащий короны. А вот касаясь института, вы все так же останетесь в моем подчинении. Государь велел передать в ваше подчинение любое число сотрудников, которых вы сами выберете и захотите видеть рядом. А также было принято решение увеличить государственные ассигнования на ваши проекты вдвое, и если вы успешно их освоите, то, поверьте, я смогу выбить любую сумму на нужды вашего исследовательского отдела. Те эксперименты, в которых вы добились огромных успехов, являются одной из главных целей нашей оборонной политики, а следовательно, проблем у вас ни с чем не возникнет. Ну и еще один приятный момент, который вам должен поднять настроение. Ваша заработная плата увеличена в три раза. Плюс ко всему еще добавьте к ней немалый оклад заместителя министра, который вас тоже не разочарует. О таких мелочах, как машина с личным

водителем и государственная дача, я даже не упоминаю. А вы еще говорили о том, что вам неважно, что именно я хочу сказать. – При этих словах он вручил указ ему в руки и с довольным лицом откинулся на спинку кресла. – Наверное, вы сами не ожидали такого поворота событий. Жизнь полна сюрпризов: еще пару часов назад вы были в ожидании опалы Государя, а вместо этого он одарил вас всеми благами, о которых другие и мечтать не могут.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.